

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Вальтер

ГОРЬКОЕ МОЛОКО — 3

Владимир Козлов

Вальтер. Горькое молоко – 3

«Издательские решения»

Козлов В.

Вальтер. Горькое молоко – 3 / В. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907305-1

Козлов Владимир. «Вальтер», очередная книга из серии «Горькое молоко», повествует о бесшабашном и умевшем постоять за себя парне. Найденный в сарае трофейный Вальтер вора в законе Захара приведёт его на скамью подсудимых. Как он себя поставит в местах заключения, об этом читатель узнает, прочитав эту захватывающую книгу.

ISBN 978-5-44-907305-1

© Козлов В.
© Издательские решения

Содержание

Вальтер	6
Захар Минин	6
В роду Беды прибыло	9
Детство Колчака	10
Бедовый двор	19
Захар и Колчак	21
Новый преподаватель и схватка с Монею	23
Фальшивое лекало	29
Прости меня	31
Голуби в небе	37
Я ничего не знаю	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вальтер Горькое молоко – 3

Владимир Козлов

© Владимир Козлов, 2018

ISBN 978-5-4490-7305-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вальтер

Захар Минин

...Захар Минин из рода Беды, был чуть старше Ивана и считался его двоюродным братом. Вкус тюремной пайки испробовал раньше Ивана Беды. Но срок получил в другом городе. Он был не плохим трубачом и находился на иждивении у матери инвалидки. Захар рос неуправляемым ребёнком и если бы не музыка и футбол совсем бы от рук отбился. Вот его исполком и устроил воспитанником в музыкальный военный полк в город Дзержинск. После семилетки он поступил в музыкальное училище в этом же городе. На последнем курсе не вытерпев острой нехватки денег, решил материальное положение поправить с помощью цветного металла. Однажды с территории трамвайного депо, он вывез целую машину совершенно новых медных троллей. Итог – пять лет тюрьмы. На зоне примкнул к отрицательному контингенту, который почитал воровские законы. При серьёзном внутреннем конфликте на зоне отличился мудростью и логическим ходом мысли. Зеки в зоне вскоре Захара признала своим единственным лидером и не ошиблась. Он не дал разразиться большой поножовщине, чем возможно спас много жизней и не дал преувеличить некоторым зекам свои срока. Но свой непредсказуемый нороб обуздать не смог. При очередном обыске, надзиратель со стенки над кроватью сорвал нарисованный портрет мамы, написанный местным умельцем и начал его топтать сапогами. Захар не смог сдержаться и схватив рядом стоящий стул, обрушил его на голову надзирателя. Надзирателя отправили в больницу, а Захара на особый режим на четыре года. Его в родном городе помнили, но давно не видели и поэтому он считался кроме своей родни потерянным человеком. Роман Беда и его дочь Клавдия, постоянно возили ему продукты и ездили к нему на свидание. А когда и Ивана посадили, то им пришлось вдвойне тяжелее. География колоний разная вот и пришлось деду Роману со своей дочкой Клавдией невольно записать себя туристами поневоле. Но самый большой вклад во благо Захара внесла, конечно, Клава, да и не только для него, а и для родного брата Ивана, а потом для своего сына Сергея. А ещё позже у неё рос один сын Вовка по фамилии Колчин.

Освободился Захар с воровским титулом ещё до суда Сергея. Этот титул неминуемо подвергал его под негласный надзор милиции. Когда посадили Луку и Сергея Беду, а Юра Лоб крикливо выступил по криминалу, Захару пришлось на некоторое время покинуть город. Он уехал в тихий и прекрасный город Липецк. Поселился Захар у своего кореша по зоне не далеко от Липецка в селе Силки на реке Воронеж. В основном он в этом селе появлялся, когда ему негде было переночевать. По всем жиганским понятиям официально работать он не имел права, и он изредка подрабатывал музыкантом в ресторане. А вскоре в незнакомом городе оброс нужными связями. Жил, не нарушая уголовного кодекса и на глаза милиции не лез. Играл на трубе восхитительно, но Иона Джонса из себя не строил, до тех пор, пока не встретил ЕЁ. Ужасно красивую и умную, но с ней по воровским понятиям он не мог сочетаться браком.

...Это была красавица в лётной форме с двумя звёздочками на погонах. Она сидела с подругой и бокалами поглощала вино. Захару лётчица очень понравилась и он, положив трубу, на стул пошёл пригласить её на танец: – Вы меня, – пьяно пальцем ткнула она себя в грудь, и засмеялась. Но танцевать пошла.

– Нельзя вам пить. Вы в форме, а если патруль нагрывает, что делать будете? – предостерег он её.

– Женщина и армия вещи несовместимые! Я мирное существо, летать мне запрещено, но любить они мне не запретят! – пьяно заявила она.

...В эту ночь, она его пригласила к себе в малогабаритную служебную квартиру.

...Её звали Нина, фамилия Зарецкая. С недавних пор она была офицер запаса. Она жила и работала в авиа центре, и носила военную форму. На её форму Захар и клюнул. Думал, спрячется за такую женщину и милиция за её красотой и лёгкой формой другой раз его не заметит. Но он не знал тогда, что эта красавица с недавних пор по решению специальной медицинской комиссии была отчислена из авиа центра по состоянию здоровья. Психиатр нашёл у неё значительное отклонение, и этим было всё сказано. Но это не помешало Захару появляться с ней ежемесячно у себя на родине. У неё тем временем начались тяготы и жизненные невзгоды, которые она старалась утопить в увеселительных заведениях. Здоровье будто напильником кто то подпиливал каждый день со всех сторон, то голова заболит, то сердце, то позвоночник, а то совсем шатало, что выходить боялась.

Об этом она как то утром она Захару откровенно со слезами на глазах всё рассказала.

«Мне нужно отвлечься и развеяться. Чтобы всё забыть и начать жизнь с чистого лица», – говорила она.

Вот тогда они и приняли совместное решение уехать из Липецка на берега Волги, где ей понравился лечебный воздух уютного города Зеленоборска.

Так Нина Зарецкая появилась в Бедовом дворике города на Волге.

Она была видной женщиной и когда шла по двору, все поголовно и мужики и женщины и даже старухи начинали делать упражнение для шеи. О ней практически ничего было не известно. Но вездесущие старушки уверяли весь двор, что новую кралю Захар привёз из заточения, где она отбывала срок, который получила за, то, что снималась за большие деньги нагишом у развратных фотографов. Это конечно были выдумки. Но, ни Захар, ни Нина никому не собирались доказывать кто на самом деле эта красавица с толстой заплетённой косой. Надо сказать, что эта коса не делала из неё школьницу десятиклассницу. Эта коса придавала ей большую очаровательность и пикантность.

Мать же Захара, сестра Романа Беды, склонна была верить бабкам. Определённости в их дальнейшей жизни она не видела и к Нине относилась порой с негодованием. А на Захара постоянно ворчала:

– Греховодник, на что ты её содержать будешь? Ей ведь не плюшку старушечью на плечи надо одевать, а доху из норки. Где деньги будешь брать бездельник?

– Всё у нас скоро будет, – успокаивал он мать, – и свадьба и доха и внуки у тебя будут. Только не распространяйся на эту тему. Мы уже заявление подали в Загс. И очень тебя прошу, не обижай её? Она мне очень дорога!

Тогда в этот летний вечер он её заставил надеть офицерскую форму пилота, и они пошли с ней в ресторан. Смотреть на дворовых бабок, когда они вышли из подъезда, было уморительно. Это было непередаваемое смешное чувство. Старушки в длинных юбках не носившие трусов обмочились от неожиданности прямо около сараев. А у кого был мочевого пузырь крепче, успели забежать за сараи.

...Он боготворил эту красивую женщину и ради неё готов был преступить воровской закон, но пока колебался. Знал, что за это могут покарать и, не зная, как правильно поступить, решил исповедовать свою душу перед Гришей Часовщиком, – вором в законе с их двора, но нарвался не только на бездушный ответ, но и обвал острых словечек, от которых кожа на теле инеем покрывается.

После этого Захар потерялся и пошёл в разнос. Его арестовали за ограбление Центрального универмага, где он неплохо поживился, включая и ювелирный отдел. Но так считали только правоохранительные органы, хотя улики против него никаких не было.

...Нина Зарецкая у властной и больной мамы после ареста Захара долго задерживаться не думала. Возвращаться в Липецк ей было бессмысленно, так – как служебную комнату она сдала авиа центру. Домой к родителям в село Боринское ехать она не хотела. Это значит заточить себя добровольно на ферму к коровам.

...Она съехала от несостоявшейся свекрови в частный сектор и устроилась делопроизводителем в больничный комплекс. Нина к этому времени была в положении и кроме Захара об этом никто не знал. Больше об этой женщине неопикуемой красоты долго никто не вспомнит.

После длительной командировки он вернулся в Бедовый дворик, своего родного города. С его возвращением двор оживился. В день его появления в городе все голубятники двора выпустили в небо своих голубей.

Он же в честь своего освобождения в своем сарае организовал радушный приём для голубятников.

На второй день свободы к нему пришёл участковый Мухин и посоветовал Минину долго не прохлаждаться, а устраиваться скорее на работу. Но Захар первым делом попытался разузнать, куда подевалась его любимая женщина. Поиски были тщетны. Тогда он пошёл к гадалке. Та ему несколько раз раскладывала карты и говорила, что его женщина из города никуда не выезжала, и возможно вышла замуж и сменила фамилию. Надежда найти Нину Зарецкую у него теплилась. И он ждал случайной встречи с ней. А между своей мечтой и процессом трудоустройства он возвёл на своём сарае новую огромную голубятню. Голубей он завёл, а вот с работой осложнения были. Никто не хотел у себя на производстве иметь в штате рецидивиста. Был ещё выход – устроиться музыкантом в ресторан, но это был уже не его ранг. Лабух в ресторане это был не его менталитет, и под музыканта – трубача он мог только маскироваться. Поэтому Захар вновь потянулся к деловому контингенту с криминальной начинкой людей. Наперёд зная, что в той сфере, он будет иметь лёгкие деньги, с которыми он будет жить, не зная ни в чём нужды. С перестройкой поле деятельности для криминала было неизмеримое.

В роду Беды прибыло

Сергей Беда после освобождения начал жить по своим жизненным выкройкам.

Он хотел быть свободным, – он им стал!

Он хотел быть журналистом, – он им стал!

...Жизнь без сюрпризов, это не жизнь, а сплошная рутина, – это Сергей понял, когда около дома увидел машину с пожитками и знакомый силуэт человека от встречи, с которым он был не в восторге. Кум с зоны Моисеев, после расформирования колонии, стал неожиданно вновь соседом Сергея Беды. Моня в родные пенаты привёз свою семью на постоянное место жительства. Правда, это соседство было не долгим, Моне как заместителю начальника милиции через год улучшили жилищные условия. А в его квартиру въехала семья Вахлы, младшего брата Моисеева, который несколько лет назад окончил текстильный институт в Иванове.

...После освобождения Сергей шёл последовательно твёрдой поступью к счастливой жизни, которую сам себе кроил и никуда не сворачивал. Он был уверен, что только семейная жизнь его может отвлечь от необдуманных поступков. Но вначале он решил получить диплом о высшем образовании, а уж потом обзаводиться семьёй. Житьё в Осинках ему пришлось перенести. Жизненная ситуация заставила его от деда переехать в город. После смерти отчима Германа Колчина, он не мог оставить мать одну с маленьким братом Вовкой, который путём и ходить ещё не мог. Им помогала вся родня, и Беда, и Беркутовы, и Колчины, – словом все, близкие люди. Особенно своевременна и важная помощь исходила от Захара и Августа Чернова. Август жил на два дома, то у деда Романа, то у тётки Клары. Август приходился Сергею двоюродным братом и был старше Беды на несколько лет. Он был сыном Анастасии, родной сестры Ивана и Клавдии Беды. Анастасия жила во Владимире. Сын Август рос сообразительным парнем и бойким. Отец его воспитанием совсем не занимался, он постоянно вербовался на Север. Там зарабатывает, – на материке деньги спустит и опять идёт в оргнабор подбирать подходящую работу за полярным кругом. А его родной сын Август в это время начал примерять на себя казённую робу, разъезжая по зонам. Начал он с колонии несовершеннолетних, затем сел на пять лет, где срок отбывал в Вязниках. После освобождения устроил показательные выступления в одном из ресторанов Владимира, с крушением стульев и переворачиванием столов. Чтобы уберечь его от суда, мать спрятала сына в Горьковской области у родной сестры.

Август был крученым и жёстким человеком, за словом в карман не лез. Но главным достоинством это была его внешность, которой он умело манипулировал. Он мог быть похожим на артиста, на учёного, на ботаника, на делового человека и на криминального авторитета, которым он и являлся.

Его многоликая внешность внушала доверие любому кадровику, а язык как вспомогательный орган подтверждал, что этот кандидат на вакантную должность может справиться с любой работой. Сергей за все талантливые качества Августа про себя называл – августейшей особой. Невзирая на судимости, ему доверили хлебную должность. Он стал экспедитором на автозаводе. Этой должностью он дорожил и с мужиками у сараев старался не пить, хотя на картах там засиживался и не редко. На деньги Августа семья Клавдии Романовны жила пока Сергей не окончил университет. Когда после очередной ходки освободился Захар, Август его подтянул к себе. Два родственника человека делали деньги на запасных деталях на автомобиле ГАЗ, где работал Август

Детство Колчака

Вовка Колчак, родной брат Сергея Беды был редкостный экземпляр не только среди родственников, но и среди всего двора. Вовка, был непоседа и враг всех старорежимных «Нафталинов», так он называл кислых соседей, которые постоянно строчили на него заявления в школу и милицию. Разлетелось стекло, – дело Колчина. Висит на двери квартиры презерватив, – проказа Колчина. Съели бочку солёных огурцов в погребе чужого сарая, – тоже Колчин. Вовка стойко переносил все эти нелепые обвинения.

Своего младшего брата Вовку Сергей привёл в зал борьбы, когда тому исполнилось десять лет. Для Вовки Колчака старший брат был всем и отцом и братом. В его глазах он считался самым сильным, самым умным и просто образцом настоящего мужчины. Вовка всё слизывал с него и повадки и манеры. Сергею это нравилось. Он во всём этом находил большую схожесть с братцем, за что он любил Вовку до безумия. А ещё Сергей узнал, что их подвал младший брат возродил для таких же целей зимой, что и он в своей юности. Этот немаловажный факт, почему, то грел ему кровь.

Однажды брат Сергей ему в шутку сказал:

– Тактику и хладнокровие ты через спорт вроде привил в полной мере. Ещё бы тебе избавиться от балагурного характера, тогда точно в обозримом будущем Колчину Владимиру на территории школы воздвигнут памятник в бронзе!

– Не хочу свой памятник иметь под открытым небом, – возразил Вовка, – вороны бронзу обгадят в два счёта. Они любят, что блестит. Да и Нафталины, будут приходить в ненастные и пасмурные дни, чтобы полаять на меня, а заодно и поплевать. А вот если мой памятник водрузят на луне, я буду не против такого пристанища. Там ворон нет, и Нафталины кашлять рядом от недовольства не будут.

– Ну, ты Вовка и загнул, – засмеялся Сергей – пока только вымпел наши космонавты смогли доставить на луну. Ты лучше берись за ум, а не то выгонят из школы, неучем вырастишь, – и в шутку добавил:

– Будешь взрослым, а денег нет. У меня попросишь, я тебе не дам. Скажу, учиться нужно лучше было, и вести себя в школе примерно, а не белые резиновые шарики привязывать к дверям соседей.

– А я журналистом не хочу быть, – ответил ему Вовка, – я хорошо помню, как ты ночами зубрил свои конспекты. Мне такие ночи не грозят, я с первого раза всё запоминаю. Поэтому учусь я лучше, чем ты когда – то. Журналистика – это не моя стихия. Писать про надои молока и уборку урожая скучно. Так что не кичись своей высокой зарплатой. А если война начнётся, я буду амбары с хлебом охранять. Ты у меня попросишь муки или хлеба, я тебе тоже не дам. Скажу, пускай тебя министерство печати кормит.

... Беда не мог обижаться на своего брата. Его острый язык ему даже импонировал и напоминал не только самого себя в молодости, но и нынешнего Августа.

От Августа Вовка не отставал в словесных дуэлях, но всё – же больше перенимал от своего родного брата. Он наматывал на ус каждую фразу брошенную братом журналистом. Во всём старался ему подражать и перед своими друзьями копировал Сергея.

У Колчака были неразлучные друзья Санька Марек, Вовка Жига, Вовка Корень, а так же Витька Педро, мечтавший с малых лет написать книгу своих анекдотов. Особенно от этой компании доставалось семье Моисеевых, у которых папа был раньше важным милиционером, но превратился в обычного комнатного алкоголика. Он ни Вовке проходу не давал, ни его друзьям, за, что ему энергичные мальчишки платили той – же монетой. На выдумки мелких безобразий у них мозг работал, с большой фантазией.

...Вовку Колчина мать с первого класса каждое лето отправляла в лагерь на станцию «Площадка», который находился в лесу в живописном месте, где с вековыми соснами и елями соседствовали большое озеро, кишашее ужами, и река Ватома с холодной и проточной, как в горной речке водой. Ездил он туда не один, а с дюжиной своих родственников и ребят с их двора. Когда он учился в пятом классе, то в этот лагерь приезжал уже старожилом, так как знал к этому времени хорошо все тропы в лесу, которые вели к ягодным и грибным местам. Раздолья и развлечений в лагере было предостаточно. Вся проходившая смена – это ежедневный праздник. Больше всего его привлекали, новые знакомства и частые спортивные состязания по различным видам спорта, где он завоёвывал грамоты и призы. Со своим другом Сашкой Марекком, с которым он жил в одном подъезде, он ни когда не расставался. В школу вместе, на тренировку вместе. В лагерь тоже вместе.

...Они регулярно убегали самовольно из лагеря в лес или на речку, что категорически делать запрещалось. Их подозревали вожатые, но уличить не могли, всегда находились правдивые отговорки. Но такие самовольные вылазки привили Вовке любовь к природе и познанию всех лесных троп тянувшихся далеко от территории лагеря. Одно ему не нравилось в этот год, то, что навигатором их третьего дружного пионерского отряда была не избрана демократическим путём, а назначена Надька Крупица. С ней он тоже учился в одном классе и раньше жил в одном доме, часто играя маленькими в песочнице или у неё дома, до той поры, пока их мамы не проводили своих детей в первый класс. Надьку воспитывала одна мать и во дворе ходили слухи, что её отец погиб на строительстве ГЭС в Сибири, откуда они приехали. У матерей ребят были дружеские отношения, несмотря на то, что мать Надежды была намного старше матери Колчака. У детей же напротив хорошие отношения испортились с тех пор, как они стали посещать школу.

В школе Надька с первого класса в обязательном порядке, всегда и на всех мероприятиях назначалась старшей, чего явно не мог терпеть никто из мальчишек, в особенности Вова Колчин. В пионерском лагере Надьку все мальчишки называли Надежда Константиновна Крупская. Ей это льстило и нравилось. Колчак и Марек, как командира её не признавали и обзывали Крупой или Овсянкой, за что она, на них не показывая виду, злилась, но проявляла к ним свою занудливость по всевозможным мелочам, устраивала слежки и обо всём докладывала, открыто на вечерней или утренней линейке.

Когда закончился завтрак, и все дети прокричали общее «Спасибо» Вовка с заговорщицким видом подошёл к своему другу Мареку. Бросив хитрый взгляд по сторонам, и убедившись, что их никто не подслушивает начал нащёптывать Саньке:

– Я придумал такое, что у Крупы понос ползет даже из ушей, – ухочешся. Пойдём сейчас на озеро, и наловим ужей, запихаем ей в постель и чемодан.

– Лучше не так, проберёмся в тихий час к девчонкам в палату, когда они будут спать, и подбросим им на кровати, смехотуры будет побольше, – посоветовал Санька.

– Можно и так сделать, но в чемодан засунуть ужа всё равно надо. Главное чтобы она за нами не проследила. Сейчас, я быстренько за братаном Никитой Беркутовым сбегая, и пойдем, а ты пока иди к нашему лазу и жди нас, – сказал Колчак Мареку.

Дыру в заборе братья сделали вместе давно и всегда её умело маскировали. Придя с Никитой к назначенному месту, они все трое устремились по узкой тропке к озеру. Ужей наловили много, запихнув их в завязанную на узел майку Марека. И вскоре вернулись в расположение лагеря.

Отряд в это время с баянистом репетировали на стадионе песни. В корпусе, кроме дежурной никого не было.

– Санька, давай, я буду на шухере стоять, а ты в это время проберёшься в палату и подкинешь Надьке в чемодан пару ужей. Чемодан у неё под кроватью. Спит она у стенки, сам знаешь где. Остальных, я запущу в тихий час в палату к девчонкам, – предложил Вовка.

Вовка стоял на веранде и следил за дежурной ушедшей выносить мусор. В это время он отдал другу ужей. Тот засунул их за пазуху рубашки и юркнул в палату девчонок. Приоткрыв немного фибровую крышку чемодана, засунул туда ужей и незаметно без шума подошёл к Вовке:

– Всё готово, – доложил Марек.

– Отлично, – озираясь по сторонам, сказал Вовка и спрятал майку с ужами в шкафчик для одежды. После чего они смело направились в сторону стадиона.

Около волейбольной площадки, их отряд расположился на травке и лавочках. Они вместе с баянистом разучивали песню к родительскому дню.

– Хор голодных, – прокричал сидящим на лавочке певцам Санька, специально, чтобы на них обратили внимание.

– Ну – ка подойдите сюда субчики? – подозвал их баянист.

Они, намеренно заплетаясь ногами за высокую траву, подошли к баянисту с показным безразличием.

– Я, вас голубки любезные хочу спросить, почему вы не с коллективом? – Почему не на репетиции?

– А мы дяде Коле мотористу ходили помогать горючее в дизель заливать, – моментально нашёл, что ответить Вовка.

– Ему одному не с руки, – поддержал его Санька.

– Вот оказывается в чём дело, похвально, похвально, – сказал баянист.

...Все в лагере знали, что электроэнергия подавалась с массивного шкодовского дизеля и дядя Коля моторист, показал Сашке с Вовкой, как нужно запускать его в работу. Под его контролем они делали это и неоднократно, но сразу – же убегали из помещения от сильного грохота работающего дизеля.

В этот раз они соврали, и баянист им поверил.

– Врут они всё, мне известно, где они были, – вмешалась Надька, – они в дыру лазают и ходят на озеро купаться.

– А ты видала Овсянка кобыльях? – в один голос сорвались ребята.

– Я не видала, а другие видели, и я знаю, если Колчина нет длительное время, значит, принесёт или готовит какую – то бяку. Его постоянно надо на привязи держать, так наша Лара Давидовна говорит.

Молодая вожатая была студенткой и опыта педагога организатора не имела. В лагерь в качестве вожатой приехала впервые на время каникул. Ей было всего 19 лет и мальчишки, пользуясь её молодостью, постоянно досаждали ей. Они называли её Ларой, считая что она не достигла ещё того возраста, чтобы к её имени приставляли отчество.

От непослушных мальчишек ей часто доставалось, и она не раз проливали слёзы от их проделок.

...Баянист посмотрел на часы:

– Заканчивайте ребята ссориться, через двадцать минут обед.

Вовку с Санькой насторожило высказанное ей заявление, и они решили узнать, что ей известно.

– Надежда Константиновна, – подозвал её Колчак.

Так он её ещё ни разу не величал, и ей было приятно.

Она улыбнулась, кокетливо тряхнула косичками и, встав на месте, бросила:

– Вам нужно, вы и подходите.

– Слушай, кобылий корм, ты чего плывёшь, как говно по Енисею, качаясь по волнам.

Или в ухо хочешь, сейчас дам, – выпалил Вовка.

Крупница после таких слов сразу прекратила улыбаться и нервно задёрнула своим маленьким носиком.

– Ты чего, за нами сечёшь? Делать нечего, и к тому же, подсылаешь к нам своих шпииков. – Завязывай, давай? – выпалил Санька.

– Буду, – назло вам буду, я вам покоя не дам, – высунув язык, сказала она.

Санька, скривил губы:

– Ну, берегись Крупа, мы про тебя всем расскажем, и в школе и здесь в лагере.

– Интересно, интересно узнать, что это вы про меня можете наболтать?

Она вопрошающе посмотрела на обоих.

– А то. Мы с Колчаком вчера всё видели, как в лазарете тебе в задницу стеклянную пробирку совали, – замазку доставали.

Такого наглого экспромта, Вовка от Саньки не ожидал.

От сказанного её лицо и руки сию секунду покрылись красными пятнами, её затрясло.

Она резко развернулась и побежала, посылая им:

– Дураки! Дураки – и – и! Вчера в лазарете мне делали укол железа.

Вовка с Санькой ликовали, наконец – то сшибли спесь с этой гордячки и правдолюбки. Теперь шпионить и ябедничать не посмеет. Но в душе Колчаку было стыдно за высказанную Санькой пошлость. И Надьку почему – то вдруг жалко стало. Он не представлял, как посмотрит ей в глаза в столовой.

После такого позорного оскорбления Надя на обед решила не идти. Уткнувшись в подушку, она лежала, молча, никому не давая объяснений по поводу своего странного поведения. Вожатая Лара Давидовна, не добившись от неё ни слова, построила сама отряд и повела на обед. В столовой Вовка взглянул на её место, стул пустовал. Внутри зашевелился червячок тревоги, у него уже угасло желание реализовывать спланированную с Марекком затею, но пятиться назад он не будет. Уговор есть уговор.

Плотно пообедав, отряд из столовой строем, направился в корпус на тихий час. Майку с ужами взять никак нельзя было. Она лежала в шкафу у Вовки. Вожатая могла заметить.

– Подождём, когда она уйдёт с веранды, тогда я принесу майку, – заверил Вовка Саньку.

– А если не уйдёт, что будем делать? – выпучил Санька свои синеокие глаза.

– Тогда ползучих тварей ночью будем запускать.

Лара Давидовна, как назло покидать веранду не думала. Уложив всех в кровати, она села на детский стульчик и открыла перед собой томик стихов Эдуарда Багрицкого.

В корпусе стояла тишина, даже у мальчишек в палате не раздавалось посторонних звуков. Все спали. Обычно ей приходилось прилагать много усилий для неугомонных мальчишек, чтобы они приняли послеобеденный сон. Сегодня на удивление выдался редкостный день. Ей предоставлялась возможность пообщаться наедине со своим любимым поэтом. Но какие – то странные звуки и мерзкий запах отвлекли её от книги. Она прошлась по веранде осмотрела кругом, заглянула под скамейки. Не обнаружив ничего подозрительного, она приступила к осмотру шкафчиков, поочерёдно открывая их.

Дойдя до шкафчика Вовки Колчина и открыв дверку, ей сразу бросился в глаза необычный свёрток. Она развязала узел майки, и дико раздирающий крик обрушился, на ушедших в глубокий сон детей. Из палат повыскакивали ребяташки, на полу веранды распластав руки, лежала Лара Давидовна, а от неё расплзались в разные стороны безобидные рептилии. Завидев ужей, девчонки решили, что это ядовитые гадюки, которых в этих лесах водилось в изобилии. Они мгновенно добавили свои визгливые децибелы. Вожатые других отрядов, слышав, чудовищные разнобойные звуки устремились в корпус третьего отряда. Вовка с Санькой чтобы успокоить истерично завывающих девчонок, бросились руками собирать ползающих ужей и вешать себе на шею, показывая, что вреда жизни и здоровью они не принесут. Лару занесли в тень на свежий воздух и при помощи нашатыря привели её в чувство. Позеленевшая она сидела на скамейке и причитала:

– Какой ужас, как я ненавижу и боюсь этих тварей, этого не передать. Где этот невыносимый Колчин? Он меня точно до инфаркта доведёт. Быстрее бы смена заканчивалась, чтобы не видеть больше его.

– Вот он я Лара, – произнёс Вовка, подойдя, к ней в трусах с огромным на шее ужом и в каждой руке у него извивалось по одному ужу.

Увидав его в таком виде перед своим взором, она без всяких слов закрыла глаза и непроизвольно откинулась на спинку скамейки. Вовку тут же отправили выпускать ужей за забор лагеря. Он их выпустил, но не за территорию лагеря, а в большой бак с водой для пожаротушения. После чего пришёл к своему корпусу, где директор лагеря прочитал ему внушительную нотацию о правилах поведения и распорядке дня. Тихий час в этот день в их отряде был сорван.

Вечером в этот день на линейке перед отбоем Вовку Колчина, как нарушителя режима пионерского лагеря выставили на обозрение к позорному столбу. Так называли специально отведённое место, оборудованное для нарушителей порядка. Он с безразличием стоял и ладонями рук бил на себе облепивших его комаров. Надька Крупица, оправившись от оскорбления, звонким голосом отдавала команды. Был объявлен отбой всему лагерю. Но в третьем отряде отбой получился запоздалым и причиной тому стали безобидные рептилии.

Лара, перед сном решила заменить своё спальное бельё. Открыв чемодан, она не поверила своим глазам. Думала, что это, какое – то наваждение. В бельё копошились возмутители её дневного спокойствия. Она тут же без чувств, свалилась на кровать. Девчонки обступили вожатую и путём массажа стали приводить её в сознание. Надька преспокойно, без лишней брезгливости взяла ужей, открыла окно и выкинула их подальше от корпуса.

– Не надо их бояться. Где водятся ужи, там не водятся змеи, мыши и прочая гадость, – сообщила Надежда. – Мне об этом тётя Зоя кастелянша рассказывала, а она в лагере работает свыше двадцати лет.

– Ой, Надя, какая ты смелая, я бы ни за какие деньги не взяла в руки эту мерзость, – похвалила её Люся Зацепная.

...Обморок у Лары на этот раз был кратковременным, но её сильно тошнило. Вера Голикова принесла ей оцинкованный тазик и поставила у изголовья кровати.

Не раздеваясь, в сарафане вожатая так и проспала до утреннего подъёма.

Утром, она подошла к Колчину, положив ему руку на плечо, пристально заглядывая, в глаза произнесла:

– Отныне и вовеки, пока ты находишься в лагере, будешь под моим строгим наблюдением, а если попробуешь отлучиться, привяжу тебя толстой верёвкой, и буду водить, как бычка, на смех всему миру.

Поверив в серьёзность её намерения, Вовка расширил и так большие свои глаза.

Длинные ресницы, и отливающие голубикой красивые зрачки, превращали его в невинного херувима.

– А, я Лара не виноват, что вы забрались в мой шкаф. И ужей я наловил в школу для зооуголка. Вы простите меня, пожалуйста, откуда мне было знать, что вы испугаетесь этих червяков? Я, сам очень сильно за вас напугался.

Оправдательная речь Володи и проникающее в душу извинение, смягчили вожатую.

– А зачем в чемодан положил мне этих тварей?

– Я их не закладывал, они сами, наверное, заползли.

Он понял, что Санька перепутал кровати и естественно чемоданы.

– Ну да, и чемодан самостоятельно открыли, – съязвила вожатая. – Ладно, иди, стройся на завтрак, и после столовой от меня ни на шаг. Поверю тебе в последний раз.

В столовой к столу, где сидел Володя подошли ребята из старшего первого отряда Женька Карасёв и Федя Моисеев. Оба они жили в одном доме с Вовкой и были старше его на пять лет. Федя Моисеев был сыном директора трикотажной фабрики и племянником начальника

милиции. Во дворе за картавость Федю называли либо Ажан, либо Монею, – эта кличка у них передавалась из рода в род.

Все они росли в одном дворе и близко знали друг друга.

– Колчак, мы слышали, что ты знаешь, где находится старое фашистское кладбище. Не проводишь нас туда? – посмотреть больно хочется, – попросил Монею.

Вовка знал это кладбище, где в трёх километрах от лагеря поляна усеянная, деревянными крестами, хранила останки немецких военнопленных, но быть проводником на фашистский погост, после разговора с Ларой, он не желал.

– Не могу я сейчас, – отказался он, – вожатая запретила мне отходить от неё без спросу, Никиту Беркута брата попросите, он тоже знает туда дорогу.

– Никита по столовой сегодня дежурит, ему не вырваться никак. Да ты особо не дрейфь. Дорогу, только нам укажи и уходи, а назад мы сами придём, – продолжал уговаривать Вовку Монею.

– Ладно, но быстро, я Саню с собой возьму, он у меня давно просился, – согласился Вовка, чтобы доказать этим старшим ребятам свою смелость.

Улизнув, после завтрака от Лары, они с Санькой, Женькой и Монею сквозь заветный, в тайне хранимый лаз покинули территорию лагеря.

На тропе Монею достал из кармана пачку сигарет «Космос», и они с Женькой закурили. По лесу шли оживлённо разговаривали на отвлечённые темы, но внимания на проложенную тропку не обращали. До назначенного места дошли за тридцать минут.

Там не было гранитных плит и красивых памятников, а в ряды стояли аккуратно сбитые из древесины кресты. Состояние могилок подсказывало, что за кладбищем кто – то неплохо присматривает.

«За что им такие почести? Ведь эти Гансы, столько горя принесли его стране и народу», – думал Вовка.

Он обвёл кладбище рукой.

– Вот оно, смотрите, а мы с Санькой пошли назад в лагерь.

– Идите отсюда, мы теперь без вас управимся, – крикнул Монею в спину уходящим ребятам.

Вовка обернулся и ответил:

– Мы – то свалим, но вы, если думаете что – то откопать здесь, дело бесполезное, я тут всё облазил с Никитой. И смотрите, назад будете возвращаться, не заблудите.

– Найдём, не заблудимся, – заверил Колчака Монею.

Ребята обратной дорогой не шли, а бежали размеренным стайерским стилем, расходуя силы. Отряд в это время занимался уборкой территории. Незаметно взяв носилки, друзья влились в коллектив отряда, и демонстративно прохаживаясь мимо Лары, распевали песню Соловьёва – Седого, «Давно мы дома не были»

Где ёлки осыпаются
Где ёлочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят

Лару позабавили не только слова песни, но исполнители и она от души рассмеялась. Мальчишки довольные, что на них приковано её внимание продолжали петь ещё сильнее. Хотя они пели без мотива и невпопад, но смысл песни дошёл до всех, и смех Лары, подхватили остальные.

– Ну, Колчин ты и артист, – протирая от смеха глаза, сказала вожатая, – тебе в капеллу мальчиков надо, там фуги будешь выдавать.

– Нечего мне там делать, они волосы вазелином мажут, – отмахнулся он от неё.

Закончив уборку территории, отряд пошёл на пруд купаться. Перед водными процедурами врач замерил температуру воды, и разрешила находиться в речке не больше пяти минут. Накупавшись вдоволь, освежённые и довольные они сели за обеденный стол.

Аппетит был отменный после водных процедур. Вовка с большим удовольствием доедал свой манный пудинг, который он раньше терпеть не мог.

В столовую прошёл директор и, встав около раздаточного окна, похлопав в ладоши, давая понять, чтобы установилась тишина:

– Внимание ребята, у нас в лагере сегодня произошло чрезвычайное происшествие. Пропали два старших мальчика из первого отряда Моисеев и Карасёв. Подымите руки, кто видал их в последний раз или знает, где они есть?

По столовой прошёл шумок, многие пальцами показывали в сторону Вовки. Вовка притих, понимая, что сейчас его будут атаковать вопросами. К нему в мгновение подступили директор и физрук:

– Ты знаешь, куда они подевались, отвечай немедленно? – строгим голосом спросил директор.

Вовка ел ягоды из компота и, молчал словно немой, отрицая вопрос директора, мотая головой.

– Прекрати кушать? – отвечай на заданный тебе вопрос? – не отставал от Колчина директор.

– Откуда мне знать, они мне не дружки. Я был на уборке территории и на пруду вместе с отрядом, – не признавался Вовка, – Лара Давидовна может подтвердить, – он показал головой в сторону вожатой, которая стояла рядом около его стола.

Она всё слышала, о чём спрашивал директор у её воспитанника, и утвердительно кивнула, убедив директора в правдивости его слов.

Директор с физруком поняли, что от Колчина они ни чего в данный момент не добьются и отошли от его столика. Но интуиция им подсказывала, что Вовка осведомлён о причине отсутствия и знает место нахождения пропавших ребят.

... В тихий час, когда Вовка лежал в постели, в палату заглянул физрук. Он пригласил его на веранду для доверительной беседы. Вовка поначалу сопел, и упорно молчал, но когда физрук пообещал ему, что все будет шито – крыто, он почему – то поверил ему и рассказал правду. Отсутствующих ребят, многие вожатые и работники лагеря активно разыскивали в ближайшей округе.

На кладбище отправились физрук, баянист и Вовка. Как и следовало, ожидать там они никого не обнаружили. Прокружив в окрестностях кладбища, они повернули назад в направлении лагеря. Пройдя полпути, они заметили уводившую вглубь леса узкую тропку. Свернув на неё и пройдя небольшой отрезок пути, в траве нашли, пустую пачку от сигарет «Космос».

– По этой тропе они двигались, – сделал заключение Вовка. – У них были такие – же сигареты.

– Значит, нам следует идти вперёд по этой тропе, – сказал баянист.

Они тронулись дальше по извилистой вытоптанной дорожке, пока не уткнулись в болото. Моховая зыбь, расстилалась зелёным ковром на огромном пространстве заболоченного места, где посторонних следов они не заметили. Вовка знал это болото, и по совету деревенских мальчишек туда один никогда не ходил, – оно могло бесследно затянуть. В прошлом году в августе он с ними собирал здесь бруснику и клюкву. И они много страшного рассказали про это болото, что после этих рассказов близко к этому болоту не решался подходить. Физрук и баянист понимали, какая опасность может возникнуть для грибников или сборщиков ягод, не знающих этого гиблого места.

– Что делать дальше будем? – размышлял вслух баянист. – Ясно, их здесь не было, а это уже вселяет надежду, что страшного с ними ничего не произошло. – Может, они вернулись в лагерь? – строил он свои догадки.

– Гадать не будем, определённо нужно ребят искать. Пойдём дальше, – предложил физрук.

До ужина, пролазив по лесу, искусанные комарами они вернулись ни с чем. Так же, и остальные поисковики возвратились без утешительного результата. В лагере назревал скандал. Директор предупредил воспитателя и вожатую первого отряда, что если детей не найдут, то на них будет заведено уголовное дело. А начальник милиции Моисеев постарается срок им назначить максимальным, так – как вся вина полностью ляжет на них. Он конечно их припугнул, понимая, что дети в любом случае вернуться в лагерь. Но всё равно воспитатель и вожатая ходили мрачные и понурые, не находя себе места.

Вовка посоветовал директору обратиться за помощью к деревенским мальчишкам.

Ухватившись за эту мысль, директор дал команду воспользоваться дельным советом. Но вдруг от ворот раздались крики дежурных по лагерю, они бежали и восторженно орали:

– Нашлись, нашлись, их на лошади привезли, вон они!

Толпа во главе с директором быстрым шагом пошла навстречу пропавшим. Оба подростка сидели верхом на вороном коне, которого за узду держал мужчина в форме работника леса. Это был лесник:

– Ваши детки будут? – снимая, их с лошади обратился он к толпе. – Далековато они у вас гуляют, так и до беды недалеко. В лесу зверья одичавшего немало бродит. А они сквозь чащобу отмахали четырнадцать километров. Надо же до кордона прогулялись.

Директор и вожатая подошли вплотную к беглецам. Их испуганные чумазые лица находились в стадии истерики. Женька Карасёв хлопал глазами и хлюпал носом. Его перемазанные губы лесной земляникой виновато дрожали. По непонятной интонации можно было с трудом определить его оправдательные фразы:

– Я не хотел. Я не знал. С дороги сбились.

Федя Моня стоял в изорванных джинсах, оглядывая окруживших их детей, где он выискивал маленького Колчина. Задыхаясь от волнения, он начал глотать воздух ртом и показывать пальцем на стоящего рядом с Никитой Вовку.

– Это он волчонок, завёл нас в дебри и убежал. Мамка за джинсы меня ругать будет. Колчак во всём виноват. Мой дядька ему дома пятнадцать суток быстро выпишет.

...После своего обвинительного высказывания на удивление всем он расплакался. Обильные слезы потекли по его лицу. Не стесняясь других младше его ребят, он стоял и навзрыд ревел как маленький ребёнок, размазывая летней пилоткой слёзы по грязному лицу.

Директор попросил их вывернуть карманы. У Женьки из кармана выпал образок божьей матери, а у Феди обнаружили в кармане спички и сгнившую пуговицу с еле заметной фашистской свастикой от немецкого кителя.

Никита с презрением смотрел на Моисеева и с негодованием произнёс:

– Эх ты, Моня. Ну и сволочь ты продажная.

– Да, я сволочь, но ты не знаешь, как нам досталось, и что мы испытали. Я есть хочу, – завывал Моня.

Лесник проворно сел в седло своего вороного. Потянув уздечку на себя, глядя на директора, укоризненно отметил:

– Конечно, одобрения их поступок не заслуживает, но не надо паникёрствовать. Лучше накормите детей, кроме молока у них во рту ничего не было.

Пришпорив коня, он скрылся в зарослях леса. Эхо доносило до него дружные детские слова благодарности.

– Спасибо! Спасибо! – раздавалось по лесу.

Изнурённых, голодных ребят вожатая повела в столовую, кормить ужином.

На другой день Колчака, Женьку и Федю Моно после завтрака, с сопровождающим их баянистом посадили в продуктовую машину и повезли в город развозить по домам.

Клавдия Романовна, – мать Колчака, особой радости досрочному возвращению сына из лагеря не испытывала. Слегка пожуриВ Вовку, спросила:

– По видимому тебе не очень – то понравилось в лагере? – Наверное, больше туда не поедешь?

– Обязательно поеду, там интересно и весело, – заверил Вовка.

В июле Вовка со старшим братом Сергеем Бедой и Августом на огромном теплоходе поехали до Астрахани по Волге. Они ежегодно так отдыхали, а в августе Вовка поехал в третью смену по путёвке в свой лагерь, где состоялась встреча с эмоциональной Ларой Давидовной – студенткой института иностранных языков и хулиганистого Колчака. Увидев его в своём отряде, она сразу избавилась от него, переведя Вовку в другой отряд.

Ещё не раз Вовка отдыхал в этом лагере по отработанному графику, но с Ларой больше не встречался, хотя она там и работала, но только во вторую смену. Он встретился с ней чуть позже в своей школе, куда её направили работать учителем иностранного языка после защиты дипломного проекта.

Бедовый двор

Пока Захар возводил себе голубятню, он приучил играть в карты всех мужиков. В карты играли и раньше, но, как – то получилось, что временно этот азарт предался забвению. И только с появлением Захара вновь возобновились у сараев ежедневные круглосуточные турниры.

Сараи располагались в пятнадцати метрах от жилых домов и построены они были в три ряда. Внутренняя средняя стенка разделяла двух хозяев, длинные пролёты рядов как бы образовывали несколько улиц. Там мужики собирались часто, обсудить свои вопросы, за пивом и самогонкой, а затем усаживались играть в карты. Почти все они не ладили с законом, и мало кто работал, хотя определён где – то числились. В основном это были голубятники, охотники и рыболовы. Некоторые существовали за счёт случайных заработков и даров природы. Играли они в карты тихо без шума и скандалов. В ясные и погожие дни судьбу приезжал испытать дядя Гриша Часовщик.

Без двух ног, он передвигался, на своей низкой инвалидной коляске, отталкиваясь опорами от земли, и выкрикивал: «Молодка мечет, цветная моя» Следом за ним ковыляла полупьяная жена. Играли третями. Третями весь двор научил играть дядя Гриша.

За свою жизнь он имел не одну судимость. Он был известным вором в законе старой формации. Несмотря на возраст и свой физический недостаток, он был в строю и своими воровскими принципами дорожил. Часовщик, как и раньше, неукоснительно пользовался авторитетом у блатных и бандитов. Но с Захаром он, ни каких контактов не имел. Если играл Захар в карты, то Часовщик никогда не сядет в круг. Он дожидался, когда уйдёт Минин. Чем это было вызвано, для всех это оставалось загадкой. Когда Часовщик проигрывал всю наличность, он кидал карты в жену, стоявшую всегда позади него и колдовала, что – то ему на ухо. Она отбежать не успевала, как он с молниеносной быстротой, хватал её за части одежды, а второй рукой, начинал её безжалостно избивать. Зрелище было малоприятным, отдавало какой – то жестокостью Любопытные сбегались к месту побоища, узнать, что случилось, но, увидав семейную драму, расходились. Обычно после таких сцен появлялся участковый Мухин, и инцидент быстро гасил, но чаще приходил Иван Беда. Он был заядлым охотником и в прошлом талантливым футболистом. Жил в одном подъезде с Часовщиком и являлся, его крёстным сыном. Иван отдирали цепкие руки дяди Гриши от жены, которая была намного лет младше Часовщика, и катил его домой. Картёжникам за такие бурные смотрины участковым делались внушения, но игры не прекращались.

Мальчишки постоянно летом отирались около голубятников. Там можно было полностью вкушать взрослую жизнь. Покурить, тем, кто постарше, выпить пивка и послушать диалоги бывалых людей. Короче постигали уроки той жизни, думая, что это им в будущем пригодится. Комнаты школьника были уже не для их возраста. Когда тёплые дни уходили у мальчишек был подвал.

Но подвал этот был от безысходности. К тому же он по документам принадлежал, Клавдии Романовны, матери Сергея и Колчака.

Пацаны частенько пережидали там морозы, хорошо зная, если домой уйдут, погреется, – назад на улицу могли не вернуться. То ли дело летом: с утра до вечера на речке, на стадионе, на школьной площадке

...Когда деревья оголяли свои кроны, а проливные холодные дожди монотонно стегали по крышам домов и сараев, – голубятники знали, наступила нелёгкое время для голубей. Голубям раздолья нет в эту пору. В осеннее время года они часто болеют птичьими болезнями и самое опасное, что начинающие дилетанты – голубятники, идут безбоязненно на подлом голубятен. В основном это были жулики гастролёры из других городов. Местные даже близко не посмели – бы подойти к этим голубятням, так как знали, что наказание последует немед-

ленно, а залётные гребли всё без разбора. Переговорив между собой голубятники, решили на короткое время нанять ночного сторожа. Думали, думали и надумали.

Кандидатуру выбрали алчную и тупорылую, – потомственного ассенизатора Вальку Куркуля. Раньше он работал на самосвале и чистил помойки вилами и лопатой. Эта работа у него была прибыльная и ей он дорожил. Он сумел себе на отходах купить легковой автомобиль и за деньги пробил себе машину бочку, для откачки фекальных ям. На ней он и решил осуществить охрану сараев. Не перекачав содержимое в канализационную систему, с полной бочкой Валька въехал на сарайную улицу. Но, продрогнув ночью, как цуцик побежал домой испить чайку. В его отсутствие случилось невероятное «до сей поры осталось тайной», либо насос произвольно включился, либо с Куркулём сыграли злую шутку его недруги, но вся вонючая жидкость, словно вулканическая лава, расплзлась по сырой земле просачиваясь в сарай через зазоры плохо подогнанных дверей.

Вальке хозяева сараев, на следующий день поставили жёсткие условия, вручив ему заступ и респиратор.

Отскрёб он отходы за неделю, но тошнотворный душок долго витал у сараев, после этого он заслужил себе статус вечного холостяка. Пока он наводил санитарию, мужики перебрались в школьный сад, который первыми облюбовали мальчишки. Это было такое место, куда вход был свободным, так как забора там давно уже не было. За картёжными баталиями мальчишки всегда наблюдали с большим интересом, а потом шли в бывший сквер, где раньше стоял памятник Ленину, усаживались на лавки, установленными по всему скверу. И среди голых акаций, опавших клёнов и ив и резались сами в карты, подражая взрослым мужикам. У мальчишек был свой маленький мирок, где по идеологическим советам старших ребят мелюзга стряпала свои законы. В каждом возрасте были свои вожаки. У старших это был Юра Лоб по фамилии Волков, который после двух судимостей бесследно исчез из города, так как был объявлен в розыск милицией за поджог дома экономического преступника Суворова. После освобождения Сергея Беды двор охватила криминальная эпидемия. Пересажали многих ребят со двора. В их число вошёл и Жора Беркутов, он же Хлястик, родственник семьи Беды, тоже в прошлом хороший футболист. Он был на 4 года старше Сергея Беды. Пока Серый учился в университете пять лет, Жора отбывал такой же срок на зоне. И вообще Жоре Хлястику по жизни не везло. Ему милиция никогда не давала в полной мере насладиться свободой. Они считали, что криминальный авторитет должен сидеть в тюрьме. И статья для него находилась. Иногда его преступления доходили до курьёзов. Когда в СССР вышел указ об ужесточении наказания за мелкое хулиганство, Жора ехал в набитом вагоне электрички. У него был явный насморк, где его арестовал наряд милиции. В его обвинительном заключении написали: «Находясь в алкогольном опьянении, агрессивно чихал, пугая своим насморком пассажиров электрички» Дела за такие преступления лепили за один день. Жора за это преступление получил шесть месяцев лишения свободы. Это была его первая судимость.

Захар и Колчак

Колчак, как и прежде, посещал зал борьбы и завоёвывал медали в престижных соревнованиях, но поведение его в школе и на улице оставляло желать лучшего.

Он всегда вспоминал свою первую учительницу начальных классов Анну Фёдоровну Тебекину, которая часто стучала его по голове футляром от очков, и как бы закачивая программу в него, говорила:

– Туда ворота большие, а оттуда маленькие, – намекая маленькому Колчаку, что ему тюрьмы не миновать. Чем он старше стал, тем чаще к нему домой стали наведываться учителя с жалобами. Он всегда сетовал мальчишкам, что квартиру им дали в этом доме для отрады учителям. Потому – что путь в школу и из школы, пролегал, через его подъезд и шли они все около него, как через пограничный пост, не забывая, отметится в квартире №98 с очередной жалобой на новую проделку младшего Колчина. Его вздорный и буйный характер трудно было укротить, не смотря, что хладнокровия у него было не занимать. И если затевалась какая – то свара на улице или в школе, то он быстро заставлял своих противников прибегать к бегству. Он был настоящий уличный хулиган, и его отрицательное поведение не влияло на учёбу. Вовк хорошо учился и с книгами никогда не расставался. Читал их запоем, благо библиотека дома была богатая, но иногда прибегал за книгами к своему дядьке Ивану Романовичу Бедю, у которого библиотека была в два раза богаче Колчиных. И к тому же с этим начитанным родственником можно поговорить на разные умные темы. Но больше всего Вовке нравилось общаться с дядей Севой голубятником, который нередко приезжал к Часовщику и Захару. Этот дядя Сева, раньше был силовым акробатом в цирке, но потом его цирковую карьеру остановила милиция, посадив на десять лет за ограбление ювелирного магазина. Ему было около пятидесяти лет, и со своими бывшими коллегами с кем выступал на арене цирка в молодости, он часто встречался и возил с собой Вовку на эти встречи.

...Шли годы. Подросли все ребята со двора. Особенно вырос и возмужал Вовка Колчак. Он из-за голубей прикипел к Захару. Голуби для Вовки составляли важную часть его досуга. Он безвылазно мог сидеть в голубятне, иногда слушая тюремные рассказы Захара. От его рассказов веяло таинственностью и романтикой. Но когда он заканчивал свои повествования, всегда говорил: «Если бы я был генеральным прокурором СССР, то всех бы впервые осуждённых, помещал в больницу на лечение, а не в тюрьму. Психиатры должны доказать суду, что многие преступления совершаются по вине кратковременного залипания мозга человека».

Захар так и не встретил свою Нину Зарецкую. Он не хотел, но всё – таки решился о ней навести справки в милиции. Ему там сообщили, что Нина Ильинична Зарецкая 1946 года рождения, уроженка села Боринское Липецкой области. Скончалась от передозировки сильнодействующих наркотических препаратов, в то время когда он отбывал последний срок заключения. Похоронена на кладбище в посёлке Липово.

Захар продолжительное время не попадал в обзор органов. Хотя жил порою на широкую ногу, отдаваясь полностью всем жизненным утехам и благам, ни в чём себе не отказывая. Беспечная и лёгкая жизнь его незаметно стала затягивать в свои сети. И он сорвался, попавшись с ящиком магнитных катушек для Волги, которые нашли в его машине. Его арестовали около волжского моста и повезли в милицию. Но по дороге он умудрился сбежать. Вновь ему грозило небо в клеточку, но этому пейзажу он был мало рад. Поэтому он ушёл в подполье, чтобы обдумать свои дальнейшие действия.

А его голубей тем временем стал гонять Август и Вовка Колчак.

...Захар появился ночью в проливной осенний дождь в квартире у Клавдии. Но ему нужна больше была не сестра, а её младший сын, с которым он по секрету немного пошептался и собрался уходить.

– Ты куда Захар, на ночь, глядя, да в такую погоду? – спросила мать, – оставайся.

– Нет, Клава мне оставаться у тебя нельзя, я пойду, – сказал он, – статью за укрывательство ещё никто не отменял. Зачем я тебя под монастырь буду подводить.

А пришёл Захар к Вовке с одной целью, чтобы он передал записку для Севы Пескаря. Этого мужчину Вовка уважал его. У Дяди Севы много было знакомых и Вовке, тогда казалось, что нет, такого места, где бы его ни знали. Когда Вовка стал старше, он понял, что дядя Сева не только бывший циркач и голубятник, но и имеет большое влияние в уголовном мире. Даже Часовщик, когда к нему обращались за справедливостью, всегда говорил:

– Я на пенсии давно. Идите к патриарху Севе или его другу Захару. Я давно все дела сдал им. У меня сейчас другие интересы. Я планирую отправиться на вечный покой.

На самом деле Часовщик заниматься ничем не хотел, он мелочёвкой даже не занимался, не говоря о решении глобальных вопросов воровского мира. На досуге пил не в меру горькую вместе со своей женой.

Он утонул у себя в ванной с бутылкой коньяка, когда его жена в таком же состоянии валялась рядом в комнате.

В последний путь Часовщика провожал весь двор, и много было незнакомых мужчин с отчаянными и волевыми лицами.

Новый преподаватель и схватка с Монеи

Лара Давидовна Кюцберг, после той злополучной смены в лагере, когда Вовка её смертельно напугал ужами, пришла работать в школу. И при встрече с Вовкой всегда грозила ему пальцем. И по иронии судьбы в седьмом классе, ей предстояло встречаться с непослушным и хулиганистым Колчиным теперь ежедневно, от чего она, большой радости не проявляла, но безгранично была рада Надежде Крупице.

...Вовка иностранке не докучал, она даже ему нравилась, и старался на её уроке не хулиганить. Она никогда не ходила жаловаться к родителям, за что Вовка ей был премного благодарен. Вскоре она переселится жить к ним во двор, в дом, где раньше было молодёжное общежитие. И утром Вовка частенько встречался с ней, когда она выходила из подъезда со своей лучшей подругой Маргаритой Николаевной, тоже преподавателем, имеющие пышные формы тела. В зимнее время Вовка с Санькой Марекком выходили раньше из дома, прятались за трансформаторную будку и безжалостно обстреливали двух подруг снежками. Больше доставалось Маргарите, она была неповоротливая, но однажды досталось по лицу и Ларе. Чей это был выстрел, трудно было узнать, но на следующий день муж Маргариты, поймал стрелков и передал в руки двум подругам.

– Я от вас не ожидала, что вы взрослые ребята способны на детские шалости, – стыдила их Лара. – Вы, что первоклашки несмышленные?

– Это мы заигрывали с вами, – сказал Колчак.

– Ну, ничего себе заигрывание нашли. Своего классного руководителя угостили булыжником по лицу, – улыбочиво отчитывала их Маргарита. – Она вас учит, чтобы из вас бестолочи, не выросли. Заигрывать с ней надо иначе.

– А как? – спросил Марек.

– Иностранный язык учите на пять и цветы ей купите, вот как! – засмеялась Маргарита, – а ты Колчин, безусловно, хочешь повторить судьбу своего брата Беды. – Он ведь парень неплохой был и в школе сообразительностью отличался. А видишь, связался с дурной компанией и сломал свою молодость.

– Мало – ли кто не совершал ошибок по молодости, – сказал Вовка. – Серёга жизнь изучал в тюрьме и характер свой закалял. А не побывал бы там, то не журналистом бы работал, а около сараев в карты играл.

После чего он дёрнул за рукав Саньку и повернулся спиной к учителям.

Лара посмотрела в спину подросткам и укоризненно покачала головой.

...Про эту шалость никто не узнал в школе, но на лице у Лары осталось красное пятно, которое она ежедневно припудривала. А вместо букета цветов Санька принёс ей из дома комнатный цветок в горшке, из дома упёр, и который после оказался острым перцем. После этого прошло три года. Ребята повзрослели. За это время у Нади Крупицы умерла мать, и её поместили в детский дом. Лара её жалела и постоянно опекала. Иногда брала к себе домой на выходные, но удочерить её Надежду никак не удавалось. Куча документов и некоторые факторы не давали ей такой возможности. Вовка тоже повзрослел и на свою подружку детства Надежду стал смотреть по – иному. Прекратились колкости и обзывания. А на восьмое марта он подарил ей и Ларе по томику стихов Эдуарда Асадова, которые ему достал Август.

...После очередной отсидки освободился Лука Волков, с которым при первой его судимости некоторый отрезок времени Сергей Беда провёл на одной зоне. Лука с тех пор ещё три раза был осужден, но ума не набрался. Дружбу водил не со своими сверстниками, а больше с подростками. Он устроился на работу токарем и жил во временке у своего дальнего родственника инвалида Кадыка. Всё свободное время Лука находился во дворе и крутился около голубятников или развлекался рядом с подростками.

О своём пропавшем брате Юре Лбе, который сгинул бесследно, после дерзкой истории связанной с подпольным дельцом Суворовым он ничего не знал.

В конце мая приехал из Ярославля на выходные младший Федя Моня. Он там оканчивал военное финансовое училище. Моня ходил по городу в военной форме и бравировал тем, что учится в училище, и что через год на его плечах будут сидеть погоны офицера. Осознавая, что его дядька начальник милиции, вёл он себя во дворе с ребятами младше его как Наполеон. Всё таки силовая должность его родственника вселяла в Моню элемент неприкосновенности. Считая, вряд – ли кто осмелится пойти в контру с с ним, зная, что у Феде за спиной стоит властный родственник. Но эта страшилка годилась для четырнадцатилетних мальчишек, но не для Колчака и его друзей.

Было солнечное воскресенье и ничего плохого пацанам игравшим в карты не предвещало, пока не появился в саду Моня. Он был, выпивши, и вёл себя, как будто он уже имеет чин не ниже полковника:

– Вот призовут вас в армию, – говорил он, – попадёте ко мне служить. Я вас научу Родину мать любить. Кроме карт и драк ничего не знаете. Разгильдяями растёте, а это ни есть правильно. Я из вас сделаю бойцов. Быстро в Афганистан или на Кавказ отправлю, за порядком смотреть.

– Моня ты лучше, чем нотации нам читать, дай мне форму твою на дискотеку сходить, – подтрунивал его Колчак.

Тот, принимая это за чистую монету, стойко отказывал. Начинал говорить о воинской присяге и доблести мундира.

...Витя Леонов – взрослый мужчина – инвалид третьей группы, работавший почтальоном и слывший знаменитым рыболовом, наблюдая за игрой, сказал:

– Владимир ты лучше попроси у него форму сфотографироваться на водительские права. У твоего Серёги есть же Волга. А тебе покататься вдруг захочется. Милиция, когда тебя увидит что ты в форме, штрафовать ни за что не будет.

– Верно Витя, – подхватил его идею Колчак, – давай Моня за бутылку на часок твою форму?

– Бутылка это маловато будет, – скривил губы Моня, – вот двести рублей впору, но деньги вперёд – моментально согласился он.

– И мне не забудешь налить, – сказал Витя Моне, – как подателю рациональной идеи.

Вовка вытащил из кармана двести рублей и отдал Моне. Тот проверил деньги и, засунув их в карман брюк начал раздеваться до пояса. Брюки он категорически отказался снимать, сославшись на то, что на права не обязательно сниматься в полный рост и их он снимет, только в том случае если Колчак добавит ещё сто рублей. Шутка стала превращаться в проверку будущего офицера, на верность присяги о которой он фанатично минуту назад рассказывал пацанам. Мальчишки с интересом наблюдали на торг, зная, что Вовка сейчас выкинет сногшибательный номер.

Вовка взял рубашку с галстуком и фуражкой, передав всё это Жиге, настаивая, чтобы Моня снял брюки. Моня убедительно просил ограничиться тем, что он дал ему. Колчак с омерзением смотрел на Моню, а затем громким голосом сказал, что форму предателя никогда в жизни на себя не оденет.

Моня такого оборота не ожидал. Со злым лицом, которое делало его необычайно смешным, он поднял вверх кулаки. В синей майке, с худыми руками, брызгая слюнями, он сделал угрожающий шаг в сторону крепко сбитого Колчака. Но Вовку этот выпад не смутил. Он перешёл на шутливо – официальный тон. Выразительно сделав заявление в присутствии всех окружающих:

– Парни, вот здесь на историческом месте, где несколько десятилетий назад возвышался бюст великого и гениального Ленина, в присутствии последователей его учения в лице Педро

и Жиги, Курсант Ярославского училища Фёдор Моня, нарушив присягу и опозорив честь мундира, замарал Родину, за двадцать червонцев. За эти деньги можно купить в народных промыслах пару лаптей и хохломскую матрёшку. Даже Иуда, продавая Христа за тридцать серебряников, имел навар в пятьдесят семь граммов чистого золота. Позор таким офицерам России.

Моня не подумал, что когда – то маленькие мальчишки давно подросли и мышцы свои накачали. Он наотмашь, хлётко ударил Вовку, который не ожидал, что на Моню оскорбительно подействует его шуточный монолог.

Номер действительно получился «сногшибательным». Колчак двумя сильными ударами, уложил своего обидчика между двух тополей.

Не поняв, что произошло, Федя вскочил на ноги, и сломя голову пошёл напролом на Вовку, но в ответ получил встречный мощный удар в глаз, после которого Моня схватился за голову и, взывая на весь двор, в одной майке побежал домой. Добежав до подъезда, он споткнулся о бордюр и разбил себе коленки, при этом изрядно подпортил военные брюки. Жига вслед ему крикнул, чтобы он забрал свою амуницию, но ему было не до формы.

– Сейчас будет кипятик пацаны, – сказал Жига, – пошли к сараям или на стадион?

А шмотки куда? – спросил Марек.

– Пускай здесь лежат, вернётся, заберёт, – ответил Жига.

– Давайте я схожу с его фуражкой под яблоню в школьном саду, – предложил, Педро, шкодливо хихикая.

– Не надо, оставьте на лавке, – взволнованно сказал Колчак, – он сейчас с дедом прибежит. Нам с ними связываться не стоит. Пошли к сараям, там голубятники, они вряд ли посмеют при них канитель заводить. А если попробуют, я и деду и сынку навалю. А вот посмеёмся мы, думаю сегодня вволю.

Вовка ощущал себя победителем. Он думал, что если такие хиляки, как Моня учатся на офицеров, какие же командиры из них получатся в дальнейшем.

Они оставили одежду, и пошли к сараям, но спокойным шагом им дойти не дали. С лопатой на них бежал дед Моисей, за ним ковыляя вприпрыжку, с накрученной на руку велосипедной цепью устремился сам Моня. Мальчишки не мешкая, взобрались на крышу сараев. Остальные пацаны, которые смотрели за дракой, стояли, как вкопанные открыв рты, предвкушая интересное продолжение «театрального действия» и теперь уже с половиной семейства Моисеевых.

Как назло никого из голубятников в это время не было у сараев. Время было дневное, и многие находились на своих садовых участках. Но хорошо, что не сидели старухи у сараев, которые боялись яркого дневного солнца.

Моисеев дед с искажённым от злобы лицом, не зная, где легче забраться на крышу, начал бить лопатой по выступам крыши сараев. На помощь приковылял Моня, но, не решаясь залезть на крышу, стал показывать деду удобный подъём. В это время Генка Портных, бросил на крышу пацанам хороший дрын для обороны.

Вовка взял его в руки и предупреждающе начал им помахивать. Давая понять, что угостит любого, кто посмеет приблизиться к нему. Увидав, что Генка оказал помощь Колчаку, Моня с цепью начал гоняться за ним, забыв про свои разбитые коленки, и крепко зацепил его один раз по спине, после чего Генку тоже взмыло на крышу.

Колчак, сохраняя хладнокровие, крикнул Педро:

– Витька, прыгай с другой стороны сараев, бери фуражку и под яблоню быстро с ней линияй. Мы пока оборону будем здесь держать, а ты наложи ему в фургон, как Стаханов раньше уголь родине на-гора выдавал. Я всю ответственность беру на себя.

Педро, как ветром сдуло с крыши. К этому времени подошло к сараям много любопытных.

А Моисеев старший, не унимаясь и злясь, что не может достать мальчишек, с матюками бросил лопату и принялся кидать в мальчишек камнями, стараясь угодить в Вовку.

– Каторжанская рожа, я до тебя доберусь, сволочь такая. Зря мой сын твоего брата в тюрьме пожалел. Но ничего время придёт он до вас до всех доберётся. Тюрьма по тебе давно плачет. Я тебя посажу без суда и следствия, – орал он. – Не побоюсь твоей бандитской родни.

Было видно, что он находится в изрядном подпитии. Моня с огромным кровоподтёком на глазу бегал, как шакал вокруг зевак, потряхивая цепью, и подбадривал деда:

– Так его дедуля. Напугались трусы. На сарай залезли. Попробуйте теперь слезть.

Вовка откровенно и нагло рассмеялся:

– Ты недоносок, никого мы не боимся. Просто не хотим обострений с взрослыми. Это ты будущий офицер побежал к дедушке жаловаться.

Услышав, что его внука нелицеприятно обозвали, дед ещё сильнее и яростней начал атаковать Вовку камнями, но цели они не достигали. Колчак ловко увёртывался от них, как бы играя.

...Обстановку разрядил Валька Куркуль, проезжая на своей бочке, он увидел скопище у сараев, притормозил машину и вылез из кабины. Узнав в чём дело, он предложил свою помощь Моисеевым. Валька Куркуль посоветовал им забраться на бочку по оборудованной к ней лестнице и подъехать в уровень с крышей сараев, чтобы можно было легко достать пакостников. План им понравился.

Первым залез наверх дед с лопатой. За ним забрался курсант в майке и, не выпуская цепь из рук, орал:

– Берегитесь хорьки сарайные, – и начал воинственно размахивать цепью над головой. – Сейчас получите на орехи!

Куркуль из кабины дрожащим голосом крикнул:

– Держитесь, крепче я трогаюсь, иду на разворот.

Но когда машина развернулась, на удивление пацанам, она не к сараям поехала, а стала выезжать на многолюдную улицу.

Они не знали, что когда Моисеевы забирались наверх бочки, в это время в кабину с другой стороны незаметно сел Лука и приказал Куркулью ехать на берег Волги.

Валька не думал, что у мальчишек появиться такая опасная для его здоровья поддержка.

Обуздав бочку ассенизатора, Моисеевы, проехали километра три на потеху всему городу. За этот недлинный путь они смогли полностью протрезветь, и образумиться.

Лука доехал с ними до берега, немного не дотянув до перевоза. Выйдя из кабины, он напугал своим видом деда с внуком и начал их срамить:

– Как нестыдно, почтенный дед и будущий офицер России. Как же это вы перепутали транспорт? Это не печка Емели, это отходы стратегического производства, как вас сюда занесло. Вот что неразумное пьянство с человеком делает. И не стыдно на вонючей бочке ездить? На ребят ещё кинетесь, я вам уши отрежу черти рогатые. А ну спускайтесь оттуда, – скомандовал Лука.

Они, покорно бормоча себе по нос, спустились вниз, зная, что перечить Луке, значит получить добавку по голове вперемежку к его сквернословиям.

Во дворе они появились через тридцать минут. Ребята все сидели у обечайки, где, когда – то был фонтан. Моня вернул деньги Колчаку, взамен потребовав назад свою форму.

– Мы к ней не прикасались, иди на лавке смотри, – ответил ему Колчак.

Сохраняя серьёзные лица, пацаны не показали вида, что знают в фуражке лежит большая куча «ароматного» испражнения Витьки Педро.

Моня пошёл в сторону бывшего Ленинского садика. Обрато он шёл мимо пацанов и, ни кого не стесняясь, горько плакал, как маленький ребёнок.

– Жалко мне его стало, – сказал Марек. – Ему в училище завтра ехать, а он с фингалом, да ещё картуз армейский вдобавок вывели из строя. Хорошо хоть без звезды картуз, а то бы Моньки эту фуражку отнесли на экспертизу, и прощай свобода Педро. За осквернение Российской геральдики Витька бы пятёрку огрѐб. Жалко Моню, – не то в шутку, не то всерьѐз повторил Санька

– Брось ты, нашѐл, кого жалеть, – упрекнул его Колчак, – пускай не задаѐтся этот унтер. Я не могу понять, как можно таким воякам, автомат доверять. Ему метлу опасно давать.

– А зачем ему автомат, у него оружие сѐты электронные. Он на финансиста вооружѐнных сил выучился, – внѐс ясность Витька Леонов, знавший всё вся и про всех.

...Это был очень толстый мужчина, низкого роста с замедленной реакцией, пытавший всегда произвести на себя впечатление мудреца. У него из друзей был один спиннинг, и он постоянно околачивался около мальчишек. Зачастую он с самодовольным выражением лица ходил по двору и со всеми общался, влезая в разговоры пожилых людей, давая, как он считал умные советы. Всерьѐз его никто не воспринимал, но никогда не обрывали при беседах, давая до конца высказаться. Иногда даже соглашались с ним в знак уважения.

Колчак в шутку его называл Виктор – велеречивый и требовал за кличку с него килограмм сахара, на что Витя отмахивался, но кличка ему нравилась.

Сейчас Витя стоял перед ребятами и доказывал им свою осведомлѐнность в военном деле:

– Он будет подсчитывать, сколько карбованцев, нужно выделять нашим воинам для уставных целей, – важно произнёс Витя. – Без таких специалистов, как Моня армия существовать не может!

Возражать ему никто не хотел. К нему ребята уже привыкли. Марек в ответ дал ему сигарету, которую он закуривать не стал, а положил её в карман рубашки.

– Ну, как, я их на ароматизированной бочке прокатил? – раздался сзади голос Луки.

– Они давно напрашивались на такой комплимент, – сказал Колчак. – Скромнее надо себя вести, а не лезть к соседям со своими нравами.

– Моня младший это типичный глист, – сказал Лука, – а дед у него ещё в силе, но если водку в старости сильно пьѐт, силу скоро потеряет. Вот старший сын у него мужик ничего. По крайней мере, вредностью он не бросался. И то, что он живѐт на белом свете это заслуга рода Беды. Ему жена Ивана операцию делала.

– Я знаю эту историю, – сказал Вовка, – мне брат рассказывал. Но сегодня я думаю, мы им не только в фуражку нагадили, но и в душу не хило наложили.

– В ментовку они не заявят, – успокоил всех Лука. – Сами виноваты, вооружены были и кидали в вас камнями. Эту поездку они надолго запомнят у меня.

– Выручил ты нас конечно вовремя, – сказал Колчак. – Мы не ожидали даже, – думали ну молодец Куркуль, помог нам, увѐз этих психов. Мы тебя не видали и не знали, что ты в кабине сидишь.

Все сидящие у фонтана пацаны смотрели на Луку с большой благодарностью. Иметь такого покровителя для каждого из них было почѐтно.

– Вы Витьку Мякишу спасибо скажите, это он меня предупредил, – кивнул на Витю Леонова Лука.

За чрезмерно излишний вес, Лука находясь в хорошем настроении, иногда называл так Витька.

– Если бы не он торчать бы вам на крыше до сих пор.

– Никто бы там столько не сидел на этой крыше, – резко отверг слова Луки Жига

– Мы легко могли бы их отмутузить сами. И нам, запросто можно было прыгнуть с другой стороны, и никто бы нас не догнал, но бежать по такой жаре, да от этих выродков, – много

чести будет. Нам приятен сам процесс их травли. Бесплатный концерт пацаны посмотрели, и нам в кайф.

...Лука заулыбался, показав всем свои жёлтые от чифиря зубы. Спросил время, но часов, ни у кого не было. Он спешил на работу. Лука оформился на завод токарем, где работал посменно. Помимо основной работы он находил время, для побочной работы. Ходил на пакгауз, или в порт разгружать баржи и вагоны. Деньги, были нужны, чтобы одеться нормально, и приобрести необходимый для себя инструмент. Он уже почти год находился на свободе и мечтал открыть бытовую ремонтную мастерскую. Но в конце лета его опять посадят за изготовление и сбыт огнестрельного и холодного оружия. Следом за ним посадят за убийство Жору Хлястика. На заводе ночью в комнате мастеров обнаружат труп мастера Соколова, друга Жоры и на столе недопитую бутылку водки и два стакана. На одном из стаканов найдут отпечатки пальцев Хлястика.

Схватка с Моисеевыми для Колчака со временем обернётся неприятным для него выпадом со стороны начальника милиции. Он включит незаметно свои рычаги.

Фальшивое лекало

Сергей Беда успешно окончил университет и стал работать в городской газете. Он был холост, но женщин любил всегда везде и блондинок и брюнеток. Одним словом он почитал их. Но вот ответственный шаг к бракосочетанию не решался делать. Независимость его устраивала. Хотя нет, да и поинтересуется у Вовки, не вышла ли замуж за кого его молодая учительница Лара. «Не знаю, – хмурился Вовка, – шафером у неё на свадьбе не был. А если интересно спроси у неё сам». Беда жених конечно завидный был и не одна женщина и девушка при виде его томно вздыхали. Он был не только внешне красив, но и интересен, как собеседник. И ещё Сергей был щедр, что у некоторых женщин хватало смелости попросить у него денег на покупку изысканного ювелирного изделия. И он покупал. И обладательница такого подарка, оберегала такого кавалера от внимания других женщин. Но он хорошо понимал, что не может принадлежать одной женщине. А чтобы женщин красивых любить, одной внешности мало, нужны деньги и только деньги. Только с ними он ощущал себя полноценным мужчиной. И он с каждым днём становился материально богаче.

У Сергея, были какие – то коммерческие дела с Августом и мать стала замечать, что её старший сын начал жить не по средствам. Одевался как Лондонский денди, ужинал в ресторанах. От матери этот факт невозможно было скрыть. И он хорошо понимал, что мать догадывается о его тёмных делах с Августом. Хотя он её каждый день успокаивал, что никаким криминалом не занимается.

«Все мои чрезмерно завышенные доходы никакого отношения к уголовно процессуальному кодексу не имеют» – говорил он.

– Сергей я не тётя Груня – дворник с двумя классами за плечами, – высказывала мать свои опасения. – У меня высшее образование и мне поступают не ложные сигналы в мозг. И нечего мне говорить про завышенные доходы. У тебя что гонорары, как у известных писателей? Боюсь я за тебя сынок!

– Это всего лишь удачные коммерческие подработки мама, – сказал он ей утром седьмого ноября. – Не жги себе нервы. Я всё делаю в рамках закона.

– Приведёт тебя Август на скамью подсудимых, – причитала мать. – Ох, приведёт!

– Август здесь не причём. И не надо на него коситься, когда он к нам в гости приходит. Он нам шесть лет подряд помогал. И как помогал? Мы никакой нужды не знали.

После такого мощного аргумента, матери сказать было нечего.

В середине октября Сергей подъехал к дому на Чайке.

Удивил весь двор, удивил родню, обрадовал и накатав девочек конфеточек, но разозлил милицию. Через два дня его арестовали. Статью ему предъявили серьёзную, и грозило Беду до двенадцати лет лишения свободы. Все заботы с адвокатом и судом возложил на свои плечи Август и Захар, который находился на нелегальном положении, имея бумаги на лесопилку в селе Осинки у деда Романа. Суд определил Сергею наказание сроком в пять лет.

На суде при оглашении приговора по лицу Сергея можно было безошибочно определить, что такой срок его не только не огорчил, а обрадовал.

Около суда находилась вся родня Беды. Ждали когда выведут Сергея. Около запасного выхода стоял милицейский УАЗ. Один Август не стал ждать Беду. Проходя мимо милицейской машины, он сильно кулаком ударил по капоту и, развернувшись, влился в толпу прохожих.

Иван Беда стоял вместе со старшей сестрой Клавдией и Вовкой Колчиным, учившимся в выпускном классе. Они дождались, когда конвой затолкал Сергея в машину, и помахали ему рукой. Мать утерла слёзы носовым платком, после чего скомкав его в руке, произнесла:

– Ведь говорила ему, каждый день. Не вяжись с Августом.

А он меня всё убаюкивал.

– Нет, Клава ты не права, – сказал ей Иван. – Август тут действительно не причём. Ты многого не знаешь. Серёга парень честный и не преступник. Просто жизненное лекало у него фальшивое оказалось, как и его окружение. Ты не переживай он себя ещё покажет. А те, кто его посадили, я им не завидую. Время расставит всё по своим местам.

...В начале лета Сергея Беду отправили на пятую городскую зону, где он встретился с Липой и Черпаком и вновь стал Беркутом

...После побега Захара из милиции Август унаследовал его сарай с голубятней и голубями. Вовке Колчаку в эту голубятню вход был платный, но деньги не он платил, а ему платили. Август каждую неделю ему выдавал за уход пернатой стаи приличную сумму. Иван Беда, тоже не редко обращался к Вовке за помощью. Для него он был палочкой выручалочкой.

Ивану не редко приходилось лечить свой позвоночник в стационаре, а Вовка был безотказен во всём.

Мать Захара, узнав, о сыне неутешительные известия, прописала к себе в двухкомнатную квартиру Августа. Он стал её законным опекуном. А Захар не подавал голоса.

Прости меня

Колчак без троек учился в выпускном классе. Он заметно подрос, как подросли и его интересы. Они стали взрослые, и не было уже такого, чтобы они привязали кому – то к двери презерватив. Их он носил в кармане уже для других целей. Сексуальная революция, как цунами ворвалась в стены школы. Нередко происходило, когда беременные восьмиклассницы бросали школы и становились иждивенками у своих родителей. Мальчишкам в этом плане было легче. Им не надо было посещать женских консультаций и вынашивать плод. Глупые девчонки становились матерями одиночками в четырнадцать лет. Вовка давно забросил подвал, и только зимой он посещал с ребятами его, но уже не для того чтобы поиграть в карты, а пообщаться с девчонками. В этот подвал Колчак переводил почти половину девчонок своей школы, а Надька однажды там наводила уборку и нашла на полке более двадцати пачек презервативов. После этого она больше в подвал не приходила, но с Вовки по старой привычке глаз не спускала. С Ларой Давидовной Колчак нашёл контакт давно ещё в девятом классе, и она его приглашала неоднократно часто к себе домой на чай, а заодно и побеседовать. Ей было интересно с ним не только говорить, но и спорить на различные темы. Этот начитанный юноша, зачастую в спорах брал верх. В школе они тоже нередко находили время пообщаться между собой и ребята в классе стали замечать, что Лара всех больше внимания уделяет Колчину. Даже Надька стала в тайне ревновать, и открыто психовать, смотря, что Колчин из разряда когда – то опального ученика перешёл незаметно в любимчики молодой учительницы. В выпускном классе он всех лучше знал иностранный язык и свободно изъяснялся с учительницей на немецком языке. Он мог на уроке позволить себе вольность. Отпустить смело на немецком языке преподавателю несколько лестных фраз в отношении её внешности или гардероба. Вовка отлично знал, вряд ли кто сможет разобрать из класса, что он сказал Ларе. Молодая учительница не смущалась его высказываний, и всегда поощряла Вовку, чтобы он не говорил ей. Но главным условием его вольности являлось, чтобы на её уроке он забыл русский язык. Вовка однажды высказался ей в отношении её правильного развода ног и красивого бюста, который она напрасно скрывает под глухими платьями и водлазками. Этой фразой он её поверг. Наконец – то она смутилась до покраснения и посмотрела на Надежду, которая тоже её предмет знала на пять. Надежда никаких эмоций не подавала, но со следующего дня Лара стала надевать в школу открытые платья с допустимыми разрезами на груди. Надька всё поняла, что он произнёс Ларе. Не сказав ничего ей, и Колчину она стала ещё глубже постигать иностранный язык, а Вовку при удобном случае всегда старалась ущипнуть или слегка шлёпнуть по заднему месту. Однажды Вовка не пошёл на урок физики и забрёл в старую двух этажную пристройку школы. Эта пристройка из-за своей ветхости не использовалась и была постоянно несколько лет закрыта на внутренний замок. В этом помещении раньше было всего четыре класса, зооуголок и кабинет медика. Вовка в тот день слонялся по коридору и нечаянно облокотился плечом на обитую дерматином дверь, ведущую в пристройку. Неожиданно дверь поддалась, и Вовка оказался в старом здании похожим на кладбище ненужного хлама. Он знал, что это помещение всех чаще посещает Сурепка – учитель ботаники и завхоз школы. Он так же знал, как и все взрослые ученики, как и весь педагогический коллектив школы, что ботаник не равнодушен к Ларе. Он прилюдно делал ей знаки внимания в виде книг и конфет. А цветы носил практически каждый день в любое время года.

Ботаник был скуластым мужчиной с редкими волосами на голове. Ему было тридцать пять лет, но выглядел он значительно старше, не смотря, что одевался он всегда с иголочки. Вообще, как считал Вовка, профессия учителя ему не шла. Он был больше похож на одного из членов Сицилийской мафии. Толстый золотой браслет на запястье правой руки и богатые фирменные часы говорили о его состоятельности. Никак у Вовки в голове не укладывалось,

что этот упакованный с ног до головы человек может интересоваться одуванчиками и лишайниками. С первого взгляда незнающий человек мог ошибочно принять его за крутого мафиози или успешного банкира. Нередко от него с запахом дорогой туалетной воды исходили пары спиртного. В таком виде он безбоязненно мог прийти в школу и посередине урока покинуть класс, уйдя в свой зооуголок. Создавалось впечатление, что он свою работу не любит и ей не дорожит. Сегодня как Вовке показалось, он был то же немного пьяненький. У Сурепки после второго урока в столовой выпал стакан с компотом. Когда Вовка посмотрел на него, то увидел, что у него глаза были туманные. Колчак протянул ему свой стакан, но он растерянно посмотрел на Вовку и резко удалился из столовой.

«Наверное, Сурепка в этой пристройке спит, после запоя», – подумал Вовка, войдя в старое помещение.

Он обошёл весь первый этаж. Чего там только не было. В коридоре и классах стояли нагромождённые друг на друга, почти до потолка, отслужившие свой век парты, бочки с краской, старые пишущие машинки, карты, глобусы, портреты всех членов политбюро разных годов и пионерская атрибутика от горнов до знамён. Все этой рухляди место было только на свалке. Он склонился над горой сваленных в углу барабанов и горнов. Порывшись в куче, извлёк оттуда медный горн с вымпелом.

– Надо будет Жиге или Педро задарить, – пробормотал себе под нос Вовка, – может на день пионерии во дворе «Полёт шмеля» исполнят на этой дудке.

Колчак с горном в руке обошёл тихо все классы и поднялся на второй этаж. Когда подошёл к зооуголку, то услышал возню и знакомые стоны. Он был уже взрослый и отлично понимал, что раздаются они не от боли и испуга, а от сладострастия. Эти стоны издавала Лара, та женщина, которую с некоторых пор он боготворил, как первую красавицу школы. Лучше и красивее её для Вовки учительницы не существовало в школе. И Лара ощущала, что этот повзрослевший мальчик проявляет к ней уже не детский интерес. Поняв это, она прекратила приглашать его к себе на чай, так – как с ней, после смерти своей матери стала жить Надежда Крупица, а при ней Колчин всегда становился наглею и неловкости никогда не испытывал. Он намеренно злил Надежду и старался показать своим поведением, что Лара относится к нему с большим уважением, чем к ней.

...Вовка прислонился к двери, стоны не утихали. Его обдало жаром. Он почувствовал, как пот побежал по его телу. Его заколотило, он был до предела взволнован. Ему было противно даже думать, что его любимую учительницу, можно сказать близкого друга, кто – то имеет права обнимать. Вовка, насмотревшись порнографических фильмов, по своей юношеской наивности думал, что Лара когда – то обязательно будет его женщиной. И если бы не присутствие в комнате Надьки, она бы его соблазнила. Слишком далеко у них зашли интимные разговоры на немецком языке. Так ему казалось.

На самом же деле, в данный момент Ларе был симпатичен этот мальчишка с длинными, как у куклы ресницами и готовила она его усиленно к областной Олимпиаде школьников по иностранному языку. Но, то, что женщины непредсказуемы, это популярное утверждение относилось и к ней.

...Вовка резко дёрнул на себя дверь, и к его несчастью она была не заперта. Он не поверил своим глазам. Жёлтое платье Лары валялось на полу. Сама она полуобнажённая сидела на столе, где раньше стоял аквариум, а голова её лежала на плече голого Василия Николаевича. Увидев Колчака, она зажмурила глаза и спрятала голову за грудь ботаника. Сурепка стоял задом к Вовке и его он не успел увидеть. Так, как Вовка запустил ему в спину пионерский горн и, хлопнув дверью, стремглав выбежал из пристройки. Не дожидаясь конца уроков, он покинул школу. Домой он не хотел идти. В подвал тем более. Нашупав в кармане ключи от сарая Захара, он полез на голубятню.

Когда Август был в длительной командировке, Вовка с Никитой ежедневно посещал голубятню. Никита с осени служил в армии, поэтому всю опеку за голубями взял на себя Вовка. Он мог часами просиживать с голубями особенно в те дни, когда не было тренировок. Иногда готовил там и домашнее задание, так как этому сараю не страшны были ни какие лютые морозы. Этот сарай был без одной щели, утеплённый сухой штукатуркой и оборудован мощным электрическим камином. Вовка залез на второй ярус, где ворковали штрассеры, якобинцы и другие виды голубей. Насыпал им корму и, взяв одного в руки, он положил его себе за пазуху. Он всегда так делал, когда на душе было плохо. Этому его ещё в раннем детстве его научил дядька Иван.

«Даже кошка с собакой, не могут лучше, чем голубь успокоить расшатанную нервную систему», – говорил Иван, – «эта птица в высоте заряжается необыкновенным целебным свойством, которым она охотно делится с человеком».

... Часов у Вовки не было, и сколько он просидел в такой позе определить не мог. Очнулся он, когда услышал противный скрип двери.

«Кто бы это мог быть?» – подумал он, – но что это был не Август, он знал точно, так как он покинул город на две недели по своим делам. И за голубями доверил присматривать Вовке. Иногда Вовке помогал кормить голубей Марек.

– Марек это ты? – крикнул сверху Вовка, не вставая с насиженного места.

Голубь, у него прижавшись к голому телу, приятно ворковал и он не хотел его тревожить.

– Залезай сюда, зерно не поднимай наверх. Я голубей покормил, – сказал он.

Он слышал, как кто – то взбирается по лестнице, но к его удивлению из люка показалась голова Лары.

– Вы, – расширил он и так свои большие глаза, – как вы меня нашли здесь?

– Мне Надежда сказала, что тебя только здесь в это время можно найти, – сказала Лара.

... Она осмотрела с любопытством голубятню, но присесть не решилась. На её лице Вовка не заметил ни стыда, ни других угрызений совести. Будто в бывшем зооуголке ничего постыдного с её стороны не было несколько часов назад.

– Владимир, мне с тобой надо предварительно поговорить, чтобы ты не брал в голову ничего плохого. У меня сейчас мало времени, и я тебя прошу сейчас только об одном. Ты взрослый уже юноша и по моим сведениям давно уже не мальчик и должен меня понять, как старшего друга. То чему ты сейчас был свидетелем, это был не разврат, даже и не страсть, а жалость к человеку, которого постигла жизненная катастрофа. Если ты пожелаешь, позже мы с тобой можем обсудить подробно, как тебе кажется не красивую ситуацию, созданную женской слабостью с моей стороны.

Вовка встал с ящика, придерживая голубя за пазухой, и не сводя своего миротворческого взгляда от учителя, сказал:

– Не надо меня Владимиром называть. Из ваших уст это имя произносится не естественно и отдаёт холодом. Называйте меня как обычно Вовка.

– Я при всех в классе не позволяю себе так тебя называть, – ответила она.

– А мы не в классе находимся, а в компании пернатых, так, что про этикет можете забыть. Вы же на улице, и у вас дома не называют меня Владимиром или Володей. Я там для вас, как и для друзей, Колчак и Вовка.

– Хорошо Вовка, если тебе так нравится, – сказала она с серьёзным видом.

– Садитесь, Лара Давидовна? – подвинул он ближе к ней ногой деревянный ящик, на котором до этого сам сидел.

– Я знаю вам сейчас неловко передо мной и на душе скверно. Вы сейчас представьте, что меня не было там, и я ничего не видал.

Он положил её руку на плечо, и слегка применяя силу, усадил на ящик. Она, откинув полу плаща покорно села:

– У меня за пазухой воркует голубь, – сказал он ей. – Не простой голубь, я вам скажу, а Нюрнбергский багдет, – чистокровный ариец. Захару из Днепропетровска привез парочку один циркач. Возьмите его в руки и нежно подержите около лица или, спрячьте его за платье, чтобы вы его ощущали пёрышки голым телом. Посмотрите, что через десять минут ваше плохое настроение улетучится, и у вас появятся только приятные мысли. Не бойтесь – этот голубь чистюля, он вас не измарает. Это аристократ, а не какой – то дикий сизарь, который способен испепелить голову человеку с высоты.

Вовка вытащил голубка из – за пазухи и протянул ей.

Она двумя руками нежно взяла голубя и осторожно прижала его к своей щеке. Голубь в её руках урчал и ворковал, не пытаясь улететь у неё с рук.

– У брата все голуби высшие, – начал Вовка ей объяснять всю орнитологию Августа. – На первом ярусе у него павлиньи голуби, а на третьем Бельгийские почтальоны. Здесь на втором ярусе смесь, но тоже не простая, а элита.

– У тебя и брат элитный, – заметила Лара, не убирая голубя от щеки.

– Какого брата, вы имеете в виду?

– Ну конечно Сергея. Я смотрю у него и машина новая и катер богатый. Только не пойму, почему он, имея большие деньги, не может себе квартиру в элитном доме купить? Он же вроде с вами живёт? – спросила она.

– Эта голубятня не Серёгина, а моего двоюродного дяди Захара, хотя мы с Сергеем его за брата считаем. Голубей же в основном покупал для Захара другой двоюродный брат Август. Он как в командировку поедет, то непременно привезёт парочку голубков. У Августа нет ни машины, ни катера. Он далёк от техники. А катер богатый, про который вы говорите, принадлежит Захару Минину. И им пользуются практически все наши родственники. У Захара и машина шикарная есть. Он вообще мужик зажиточный. У моего Серёги тоже есть автомобиль Чайка, но на нём он сейчас не ездит, и вы знаете почему.

– Я ровным счётом ничего не знаю, – сказала она.

– Мне кажется, половина населения нашего города знает, что Сергей Беда приговорён к пяти годам лишения свободы. Как говорится, заимел своё безопасное жильё.

– Надо же, я этого не знала, – сокрушалась она, – такой приятный и интеллигентный мужчина.

– А главное холостой, – резюмировал Вовка, – Август тоже богатый, а окольцовываться не желает.

– А ты не мог бы меня с ним поближе познакомить? – неожиданно сказала она. – Я его знаю, но немного. Мы с ним только здороваемся, но никогда не разговариваем.

– А зачем вам его знакомство? – спросил Вовка, – вы же хорошо знаете, кто он такой и люди вашего круга, наоборот, от него чураются и на сближение никогда не идут.

– Я всё прекрасно понимаю, кто он такой, но ты у меня видал в квартире комод стоит старинный оставшийся от деда. Вот я хочу у него попросить, чтобы помог мне его продать.

– Комод хороший спору нет, но я вам покупателей могу найти на него и без Августа. Моя мать может купить ваш комод. Нам Серёга денег много оставил. Он хорошо раскрутился на своих коммерческих операциях.

– Я конечно не против такого варианта, но у меня кроме комода много других вещей осталось после деда, которые заинтересуют любого ценителя старины. Я думаю, твой Август всех лучше справится с ролью посредника. Его никто не посмеет обмануть, а меня женщину запросто могут кинуть, как сейчас, выражается молодёжь.

– Вот он приедет из Мукачёва, так я вас с ним и сведу, – пообещал Вовка.

– Ты представляешь Вовка, – впервые она ему сегодня улыбнулась. – А действительно мне намного лучше стало от твоего голубя. Просто невероятно! Неужели голуби, как и многие

другие представители флоры способны положительно влиять на организм и настроение человека?

– Насчёт голубей вы можете не сомневаться, эти умные птицы проверены всеми нашими голубятниками. Правда, настоящих голубятников мало сейчас осталось, не то что пять лет назад. Отец Жиги вообще считает, что голуби с богом общаются, а мой дядька Иван ему говорит, чтобы он нам такую муру не гнал. Бога говорит, не было, и нет. Есть говорит вселенная, природа и смерть. Каждый из этих трёх факторов значительно сильнее человека.

– Ты в него такой умный пошёл? – взяла она Вовку за руку и пристально посмотрела ему в глаза.

– Иван Романович грамотный с ним в полемику бесполезно встречать. Он любому мозги вправит в свою сторону. – Вовка перевёл свой взгляд от неё на голубя, но руку убирать не стал. Он чувствовал, как от её прикосновения по его телу пошло приятное тепло.

– Я знаю прекрасно Ивана Романовича, но про его религиозные суждения слышу от тебя впервые, – сказала она. – А ты – то сам как считаешь, бог есть?

– Я не считаю, а убеждён и придерживаюсь, точки зрения Ивана Романовича, – сказал Вовка. – В том споре с отцом Жиги, он доказал, что бог не покарал ещё ни одного нациста, так же как Витебского душителя Михасевича и ему подобных мерзавцев, а карал всех закон.

«Жалко говорит, что хороший народ, как мухи вымирают. Даже маленьких детей смерть не щадит. И не надо людям мозги засорять, что смерть человека богу угодна. Если существует бог и смерть, то смерть могущественней бога. То и молится, ей надо, чтобы досрочно тебя не приютила в свою люльку».

– Возможно, Иван Романович и прав, а то, что людей в церквях больше стало, то вероятно это веяние моды, – сказала Лара.

– Они тогда долго спорили, – продолжал Вовка, – и всё – таки дядька убедил его в своей правоте. Хотя в церковь отец Жиги, как и прежде по субботам регулярно ходит. Я вот ни разу там не был, потому что я не крещёный, – шёпотом произнёс Колчак, словно это была большая тайна.

– На мне тоже креста нет, и не было никогда, – сказала Лара, вставая с ящика.

Она передала Вовке голубя, которого он сразу выпустил из рук. Затем она вплотную подошла к нему и поцеловала его в щеку:

– Спасибо тебе мой хороший человечек и прости меня? – проговорила она и спустилась вниз. Выйдя из сарая, она плотно прикрыла за собой дверь.

Лара в эти минуты была очень благодарна ему, что он нашёл в себе силы не упрекнуть её, а мудро перевёл весь разговор на другую тему. Это была тактичность интеллигентного молодого человека. А в надёжности его языка она была твёрдо убеждена. Лара знала хорошо Колчака, и болтать языком о женщине, от которой Вовка глаз не сводит, он не позволит никогда. Лара давно сумела проникнуть в его душу, где она видела там отпечатанную чистую юношескую любовь к своей персоне.

А Вовка после её поцелуя долго стоял в оцепенении. Он размышлял, как расценить её поцелуй, то ли отнести его к извинению, то ли к проявлению симпатии.

– Как угодно, – сказал он себе, – главное этот поцелуй меня оживил и поднял настроение. Кто знает, может этим поцелуем она приоткрыла дверку к своему сердцу?

Он слез с голубятни и запер сарай.

...После того, как Вовка стал свидетелем интима двух учителей, отношения между ним и Ларой не испортились, и дистанция для сближения не сократилась, хотя Вовка и не избегал её. В тайне он ждал от неё смелого безрассудного шага и всегда улетал в своих фантазиях к учительнице в объятия и растворялся весь в ней. Но Лару словно подменили. Она была всегда сдержанна с ним и даже на немецком языке с Вовкой разговаривала только по программе и ничего лишнего. Колчак понял, что никакой Олимпиады не будет, но он ошибся. Олимпи-

ада состоялась чуть позже, где он занял второе место. Великой радости от второго места он не испытывал. Это был не его пьедестал, какой он занимал в спорте, и поэтому Вовка утратил интерес к иностранному языку и перестал выполнять домашние задания и разговаривать с ней на свободные темы.

...Сурепку в школе он больше не увидит, после того дня. Находясь тогда в своём кабинете с Ларой, в интересном положении, ботаник был уже уволен с работы и этот день был его прощальным не только со школой, но и с Ларой.

В начале марта перед женским днём они с Августом нанесли визит своей учительнице. Дверь входная была приоткрыта. Они смело переступили порог комнаты. На диване в спортивном костюме с книжкой в руках валялась Надька, а рядом с нею сидя в кресле, проверяла ученические тетради Лара. Сам Вовка задерживаться в комнате не стал. Он быстро покинул жилище своей учительницы, ни с кем не попрощавшись.

Появится он в этой комнате спустя пять лет, но уже не учеником, а вполне созревшим мужчиной.

Голуби в небе

Его хоронили без салюта, но почестей и венков было множество. Хоронили криминального авторитета вора в законе Захара Минина, – дядьку Вовки Колчина и Сергея Беды. Его нашли в Волге запутавшимся в сети, которые, похоже, зацепились за винт неизвестного речного судна. Хоронили в закрытом гробу, тело было до неузнаваемости изуродовано и прозимовало около четырёх месяцев подо льдом. Хотя самого Захара в городе не видели больше трёх лет. Опознали его по татуировкам. Когда гроб опустили в могилу, тридцать белых красавцев голубей взмыли ввысь, прощаясь со своим хозяином. Несмотря, что больше половины голубей были куплены Августом, принадлежали они все именно Захару. А если быть точнее, то в последнее время хозяин голубей был один – это Вовка Колчак. Он умело за ними ухаживал и надо сказать, что таких красавцев не было ни у одного голубятника.

С кладбища все шли понурые и шёпотом обсуждали его залихватскую прожжённую криминалом жизнь.

Позже всех покидали кладбище Иван Романович Беда со своей женой Мананой. Рядом с ними шли Сева Пескарёв – лучший друг Захара, и Вовка Колчин. Вовка в эти дни тщательно готовился к выпускным экзаменам и имел все перспективы окончить школу с золотой медалью. Но мысли о медали, он задвигал на второй план. На первом месте у него была Лара. Мысли о ней серьёзно повлияли на его успеваемость. Он о ней думал постоянно. Прогнать эти думы от себя он мог. Но порой не хотел сознательно лишать себя приятных и виртуальных грёз. Чтобы отвлечься от сверлящих мозг мыслей он усиленно стал тренироваться, после чего уходил в бурлящее русло улицы, где среди друзей он всегда был фигурой номер один. Школа отошла у него уже на третий план после Лары и спорта. А ещё для него был важен личный приоритет на улице. Завоевал он его сам без чьей либо посторонней помощи. Но все также знали, какая большая и могущественная родня у Колчака. Хотя Вовка никогда этим фактом не спекулировал. Но всё равно сам того не ведая он постоянно находился под опекой своей многочисленной родни. В последнее время с него не спускал своих зорких глаз Август. Он покровительствовал Вовке во всём и везде. Август был уважаемый и авторитетный человек, и эти характеристики делали его неприкасаемым. Некоторые бандиты к нему ехали, как к арбитру с разных концов. Августу предлагали крупные должности в кооперативном движении, но он отказывался. Его устраивала работа, в которой он ориентировался как рыба в воде. Его устраивал уклад жизни, который он создал себе сам. Он был свободным человеком и мог в любое время сорваться из города. Он мог запросто выписать себе командировку в другой регион. Он мог не выйти на работу, и никто ему не скажет, почему он прогулял день, два, и больше. Все зависели от Августа. Так – как деньги в качестве второго оклада они получали по разработанной им схеме.

...Август шёл по кладбищу удручённым, смахивая незаметно со своего лица слёзы. Ему не хотелось, чтобы, кто – то видел, как непроизвольно эта скорбная влага выступает на его глазах. В нелепую смерть Захара мало кто верил и домыслы, что с ним произошло, были разные. Август точно знал, что Захар умер не своей смертью. Впереди постоянно оглядываясь в сторону Колчака, шла Лара и Надька Крупа. Она из детского дома на законном основании переселилась жить в старый двор к своей учительнице. На днях Лара Давидовна удочерила Надежду.

В последнее время Лара к Вовке проникалась большим вниманием, чем прежде. Она старалась показать, что озабоченна судьбой Колчака, не меньше чем его друзья. Лара постоянно его призывала штудировать математику и иностранный язык, который он после Олимпиады совсем, забросил.

...Вовка не знал, да и никто не знал, кроме самой Лары и Августа, что Надежду она удочерила благодаря фиктивному браку с Августом.

Когда Вовка привёл к Ларе Августа, на следующий день Август договорился в загсе об ускорении брачного процесса, где их за считанные минуты зарегистрировали.

Отныне, формально и неформально Вовка, Лара и Надежда являлись родственниками.

На кладбище Лара с Августом не показывали своего родства и вели себя словно малознакомые люди. Старались и друг к другу не подходить. Да и обстановка не располагала к общению. От весеннего кладбища веяло духом скорби и траура. Растаявший снег, попеременно с жидкой грязью хлюпал под резиновыми сапогами и издавал противное смачное чавканье, от чего навеивало на мрачные размышления. Все шли, молча, и как бы прислушивались к звукам отпечатков своих следов. И только красногрудые и толстые снегири, сидевшие на развесистых ветках, слившись с гроздьями прошлогодней рябины, скрывали угрюмость и немного вуалировали плохое настроение.

...Иван Романович шёл, молча, и ни с кем не разговаривал. Он вспоминал разговор с Августом, когда однажды сказал ему относительно цыганского цвета Волги универсала Захара, что машина Минина больше похожа на катафалк. И что стреляют по ним чаще, чем по другим машинам.

«Но откуда взялись сети? – ломал он голову. – Захар никогда ими не ловил. И рыбу он ловил только летом, но, никак не осенью. Промозглость он терпеть не мог. Захар любил тепло».

– Вот и проводили мы в последний путь близкого нам человека, – с мрачным видом сказал Сева. – Вроде и отвыкли от него за последние года, но ощущение его отсутствия было, одушевлённое. Ощущение, что он рядом, витало.

– А сейчас траур витает, – вторил ему Вовка Колчак и продолжил:

– Мать так и не знает, что нет больше её сына. И говорить ей правду, я думаю ни к чему.

Она еле ходит, может сердце не выдержать.

– Молодец Вовка! – потрепал его Август, – правильным человеком будешь.

– Я не хочу быть правильным, – хочу быть настоящим, – ответил ему Вовка, – чем вызвал неподдельный интерес к себе у Севы:

– Ого! Это не щебечущий звук из скворечни. Слышу разум и правильные мотивы сердца.

Растёшь Вовка! – и, повернувшись к Августу, сказал:

– Берегите его, ему не место в наших университетах.

– Захара менты убили, – высказал свою мысль Иван Романович, – никто против него не только слова не мог сказать, но и дыхнуть боялись в его сторону.

– Ничего ребята, – произнёс Сева, – может, настанут такие времена, когда таким правильным людям памятники будут возводить, не только на кладбищах, но и на площадях, где будет написано золотыми буквами, – «Погиб от рук оборотней в погонах». Хотя мёртвым они вроде бы и не к чему, но всё равно родственникам, какое – то утешение будет. Жизнь непонятная. Сейчас ты есть, завтра тебя нет. И никто особо горевать о покойном не будет после похорон. Вы посмотрите, как растут кладбища. Жилые дома такими темпами не возводят. Если не замочат, то на нары в лучшем случае упрячут.

С похорон в автобусе Вовка Севе рассказал о последнем разговоре с Захаром, который произошёл больше при их последней встрече.

– Он наказывал мне, при скверных обстоятельствах, всех голубей тебе отдать. Августу говорил, некогда ими будет заниматься. А у Севы опыт большой по голубям и жизнь спокойная. А ещё он мне рассказал про старый погреб. Там лежит свёрток для тебя и деньги на два памятника, один для него, а второй для женщины, рядом с которой его похоронили.

Вовка тяжело вздохнул:

– Наверное, он знал, что с ним приключится несчастье. А вот когда именно не догадывался.

– Что, так и сказал про завещание и памятники? – изумлённо спросил Сева, – значит, смерть его была не случайной, а кто – то преднамеренно шёл за ним. Но тёрок у него, ни с кем

не могло быть, ни с быками, тем более с блатными. Это я точно знаю. Выходит его окунули или менты или рыбнадзор. Нельзя одному выходить на Волгу. На реке, как и в тайге всякое может случиться, – полушёпотом говорил Сева. – Голубей, конечно, я не буду забирать. Я вижу ты им хозяин первый, а не Август. А в память о нём, я возьму себе только одну вещь, но это после сорока дней. У него в сарае полы устланы фанерным кряжем, под ним разрушенный погреб. Тебе Вовка, одному не управиться. Возьми, в подмогу родственника или лучшего друга, которому доверяешь. Кряж подымете, и все кирпичи из погреба выкиньте. В самом низу будет лежать щиток электрического рубильника. Откроете щиток, возьмёте свёрток в тёмном лоскуте. Спрячьте его недалеко, но хорошо и не под фанерный кряж. Чтобы Август его не нашёл. Ему этот свёрток совсем ни к чему.

Я ничего не знаю

Колчака забрали из дома утром, в воскресный день. Он проснулся в прекрасном настроении и когда сидел на кухне с матерью за завтраком, в квартиру длительно и непрерывно позвонили. Мать пошла, открывать дверь. На пороге стоял участковый Мухин.

– Я прошу прощения, но мне необходимо повидать вашего младшего сына. Страшного ничего нет, просто для формальности, нужно провести опознание.

– Когда вы его только в покое оставите? – запричитала мать, – скоро терпение моё кончится, и я буду жаловаться. Мальчишка никуда не ходит, всеми днями за книгами сидит, к экзаменам готовится, а вы постоянно в чём – то его подозреваете.

– Я человек подневольный, как и все смертные. Мне сказали доставить его, что я и делаю.

Вовка, отставив в сторону завтрак, молча, оделся и вышел. У подъезда стояла спецмашина. Он оглянулся по сторонам и, убедившись, что рядом нет любопытных Нафталинов, с неохотой залез в машину

В милиции его провели в знакомый кабинет, куда не раз за драки и другие хулиганские поступки вызывал к себе майор Гридин. В этот раз майор был в штатском костюме не как раньше. Зализанные назад волосы, свисали ему почти на уши, и он их беспрестанно поправлял. Он вежливо предложил Вовке присесть на единственный свободный в его кабинете стул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.